

Роман Бадалов

КАВКАЗСКИЕ
ПОЭТЫ

Роман Бадалов

*КАВКАЗСКИЕ
ПОЭТЫ*

Стихи

Роман Бадалов
"Кавказские тосты"
Израиль, Тель-Авив, 1999
Авторские права принадлежат
поэту - Роману Бадалову

Roman Badalov
"Caucasian Toasts". Poems. (In Russian)
All rights reserved by the author -Roman Badalov.
Israel, Tel-Aviv, 1999
Контактные телефоны: (03) 537-5421,
пелефон - 051-556059.

Израиль
Тель - Авив
1999

*Двум прекрасным созданиям,
моим земным ангелам -
дочерям Гале и Марине
посвящается*

ПОЭТ, КОТОРОГО НИ С КЕМ НЕ СПУТАЕШЬ.

Дорогой читатель!

Вот перед Вами очередная книга стихов очень интересного, на мой взгляд, поэта Романа Бадалова с интригующим названием "Кавказские тосты". Роман Бадалов - не новичок в поэзии. Его первые публикации, так сказать, проба пера и поэтические эксперименты, относятся еще к далеким 60-м годам. Но уже где-то к 70-80-м годам поэт заговорил, что называется, во весь голос. Это были тонкие и толстые литературно-художественные и общественно - политические отечественные и международные журналы, и конечно, поэтические книги. И был успех, было читательское признание.

Поэтов много. Самых разных. И к нашей великой радости, любителей хорошей поэзии тоже немало. Но есть поэты, которых никогда и ни с кем не спутаешь: они всегда узнаваемы по своему стилю, поэтической манере, ментальности, логической простоте и понятности и, разумеется, чеканной технике стиха.

К Роману Бадалову всё сказанное имеет прямое отношение. Да, действительно, его поэтический почерк, его изящный стихотворный стиль никогда не спутаешь ни с кем другим.

Каждый настоящий поэт всегда по-хорошему недоволен собой, своим творчеством и всегда стремится достичь чего-то большего, лучшего. Одним словом, он всегда в поиске. Без преувеличения, "Кавказские тосты" - это новая удача поэта. Ему и на этот раз не изменило поэтическое мастерство.

Есть и были поэты, которые весь смысл своего творчества видели только в поиске витиеватости стиха, в туманности мыслей. Их больше волновали технические аспекты стихосложения, нежели чисто человеческое самовыражение. В этом смысле, Роман Бадалов - не модернист, он не пытается устраивать кричащие, но ничего не дающие ни уму, ни сердцу поэтические шоу. Он прост, как крестьянин, как пахарь, и при этом очень и очень лиричен и понятен.

"Кавказские тосты" - это своего рода поэтический автопортрет. Стихи этой книги лаконичны, радужны и всегда вызывают в человеке самые разные эмоции, не оставляя его никогда равнодушным. Это книга о Человеке, о его судьбе и о его любви. А значит, это книга о всех нас.

Еще древние говорили, что человеку дано большое богатство - возможность общения, возможность диалога между собой. Я могу сказать только одно: эти встречи и эти диалоги с поэтом Романом Бадаловым всегда волнуют и всегда дарят нечто особенное.

Прочтите эту книгу. Эта встреча с поэтом станет для Вас радостным свиданием с прекрасным. "Кавказские тосты" обязательно взволнуют Ваше сердце.

Ицхак Давид,
писатель, академик,
почетный профессор
ряда университетов мира

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Я - ДРУГОЙ

И я уже совсем другой:
Не то бандит, не то святой, -
Не то солдат, не то беглец,
Не то поэт, не то подлец.
Да, я уже другой, как мир -
Я меценат и рэкетиер, -
И ясновидец и немой,
Я - милосерден и скупой.
Не изменить уже меня -
Во мне есть лёд и жар огня.
И я уже такой, как есть:
Живу, познав добро и месть.
Да, я уже совсем не тот:
Без боя сдал врагам свой дзот.
Так что же стало вдруг со мной? -
Я проиграл войну с собой.

И БУДЕТ ДЕНЬ

И будет день, и будет ночь, -
И только лишь меня не будет, -
Уйду и я куда-то прочь,
Куда навек уходят люди.

И будет дождь, и будет свет,
И будет ливень первозданный, -
Застынет мой кровавый след,-
Но будут ныть всё так же раны.

И будет грусть, и будет мгла,-
И будет вечная тревога,
Но я держать не буду зла
Ни на людей и ни на Бога.

ТАМАДА

На чужом пиру я с друзьями снова.
В плен берет гостей молчаливо хмель.
Тамада, постой, не давай мне слова, -
На лице - улыбка, на душе - метель.

Жизнь моя о скалы
Вдруг разбилась лодкой...
Ты меня представить
Шибко не спеши,-
На чужом пиру заглушаю водкой
Я печали сердца и тоску души.

Тамада веселый, моя скорбна повесть,
И она, наверно, в мире так грустна, -
Я давно разбился, словно скорый поезд -
В этом, знаю, только лишь моя вина.

На чужом пиру я хочу забыться
И уйти хочу ото всех тревог...
Улетела с рук даже и синица, -
Обо мне, быть может, помнит только Бог.

А кому я нужен в этом мире странном,
Со своею грустной, горькою судьбой?
Тамада, родной, не тревожь мне раны -
Ведь давно на свете я для всех чужой!

ПОБЕГ

Никто не может мне помочь:
Мне от себя сбежать бы прочь!
Сбежать бы в степь,
Сбежать бы в глушь, -
Подальше от продажных душ.
Мне б от себя уйти в пургу,
Чтоб добротой мстить врагу.
Мне б от себя уйти бы в дождь, -
Тогда б я смысл шутя бы ложь.
Мне от себя уйти в леса, -
Тогда б познал я чудеса.
А так живу я в суете,
Ничьей не радуясь беде.
Пронзила сердце мне стрела:
Я стал бояться в жизни зла, -
И стал противен сам себе -
Я изменил своей судьбе.
Мне от себя сбежать бы прочь -
Мне б превратиться в снег иль в ночь.
Сбежать бы мне, как от огня, -
Но где такого взять коня?

ЕСЛИ Б МНЕ...

Если б мне сказал бы раввин:
"Не грехи! Опасен грех!", -
Я в него бы бросил камень,
Я б его поднял на смех.

Если б мне сказал бы ребе:
"Не грехи и будь другим!", -
Я его послал бы... в небо -
Не мешай, мол, здесь живым.

Если б вдруг посланец Бога
Обвинил в грехах меня, -
Я ему сказал бы строго:
"Не хули, мой друг, огня."

Если б ребе мне слукавил
И сказал бы: "Не спеши!", -
Я б его без всяких правил
Отругал бы от души.

Если б мне сказал бы раввин:
"Не грехи. Опомнись, брат!", -
На своем стоял бы праве -
Я бы снова выбрал ад.

Роман Бадалов. Кавказские тосты.

Я НЕ ЖИВУ

Какое крепкое вино,
А жизнь моя покрепче даже, -
Я не живу уже давно:
Не жизнь - одна сплошная лажа.

Какая муза суеты!
Уходит прочь опять удача, -
Другому все опять цветы,
А я смеюсь, а я не плачу!

Какая страшная молва, -
Она живуча, как куранты, -
Набиты ядом все слова -
Летят в меня не бриллианты.

Какая скорбная стезя,
Какие траурные розы,
Куда умчались все друзья,
Откуда эти все угрозы?

Какое крепкое вино, -
А жизнь моя покрепче даже, -
Я не живу уже давно:
Она бела совсем, как сажа.

ДУРАЛЕЙ

Дуралей я, дуралей:
Надо б жить беспечно,
Но живу я для людей,
Будто жить мне вечно.
Дуралей я, что ни есть, -
Самой высшей пробы:
За добро приемлю месть, -
То, видать, до гроба.
Дуралей я, хоть слышу
Мудрецом и равом, -
По теченью не плыву:
Вроде, мое право.
Дуралей я, что себе
Сам не знаю цену, -
Мне б подумать о судьбе,
Чтоб сбежать из плена.
Дуралей я, хоть в летах -
Разыгралась драма...
Счастье, что о черных днях
Не узнает мама.

НЕ СТАНУ Я...

Не стану я последним снегом,
Дождем последним и грозой,
Последним добрым человеком,
Последней горькою слезой.

Не стану я последним бродом,
Последним красочным мостом,
Последним в жизни Дон Кихотом,
Последним с дерева листком.

Не стану я последним морем,
Последним в погребах вином,
Не стану я последним горем,
Последним в закромах зерном.

Не стану маком и тюльпаном,
Последней ключевой водой, -
А буду призрачным туманом,
Сплошным, невидимым обманом,
Навек легендою живой.

БЕЛОГОЛОВЫЙ МАЛЬЧИК

Мальчиком белоголовым -
Не старцем седым
Я умру неожиданно для всех, -
Но будет долго, как в ливень гром, -
Звучать мой
Знакомый смех.
Мальчиком многознающим,
Из красок серебра
Удивлю я собою свет -
И огнем, полыхающим
Этой ночью костра,
Превращусь неожиданно в рассвет.
Мальчиком белоголовым -
Не старцем седым
Мир собой удивлю.
Есть на душе горечи дым
И ты, о ком молю.

Я КРЕПОК БЫЛ..

Я крепок был, как горный камень,
И чистым был, как первый снег,
И был горяч, как синий пламень,
И горной речкой был мой бег.

Я крепок был и лучезарен,
И буре мог сломать хребет.
Я первый был в округе парень, -
Теперь того бывшего нет.

Я крепок был и безутешен,
Я был и мотом, и скупым.
Я был, как люди, небезгрешен,
Хотя душою был святым.

Я был незримым водопадом,
Я был прозрачным ручейком,
Прошедшим семь истоков ада, -
И в лед, и в пламень - босиком!

Я крепок был, красив, как маки,
И славы так хотелось мне,
Но проиграл все в жизни драки,
А был когда-то на коне!

НЕ ЗОВИ МЕНЯ ВНОВЬ...

Не зови меня вновь,
Чтоб взойти на Эльбрус:
Высоты я отныне,
Как смерти, боюсь.
Не зови меня в Память,
в ушедший покой, -
Не вернуть уже их никакой ценой.
Не зови меня в юности
Зной и метель, -
Стала домом печали
Моя цитадель.
Не зови меня больше
В тот розовый сад:
В моем сердце теперь он,
как остров утрат.
Не зови меня больше
взглянуть на Кавказ -
Я давно уже древней звездой погас.
Не зови, не тревожь
моих заспанных ран.
Мое сердце теперь,
как потухший вулкан.
Не зови меня больше,
прошу, никуда, -
Я забыться хочу и уйти без следа.

НЕ СПОРЮ

Не спорю: жизнь моя - собачья,
Не спорю: жизнь моя скромна.
Бывает, что порою плачу,
Бывает, что и мстит она.

Не спорю: жизнь моя - тревожна,
В ней мало радости теперь,
И я с опаской, осторожно,
В неизвестность открываю дверь.

Не спорю: жизнь моя - дрянная,
Безмолвный, сумрачный тупик,
В котором тихо погибаю, -
Остался лишь короткий миг.

Не спорю: жизнь моя - сомненье,
И сумашедший звездопад,
И счастье, горе, наважденье,
И горечь роковых утрат.

Не спорю: жизнь моя - собачья,
Не спорю: жизнь моя скромна,
Но не ропщу я и не плачу, -
Со мной бальзам - бокал вина.

Я СЫГРАЮ

Я сыграю в "ящик", я сыграю
В ни во что и даже в никуда.
Я душой и сердцем понимаю,
Что меня все предали года.

Я сыграю в "ящик", я исчезну,
Затеряюсь средь могил других, -
Там не будет неба, только бездна -
Ничего, что было б для живых.

Я сыграю в "ящик" вдруг и сразу, -
Удивлю всех, может быть, вокруг,
Что отдался мертвому экстазу -
Успокою душу после долгих мук.

Я сыграю в "ящик" так нежданно,
Что того и сам я не пойму.
Я уйду из жизни слишком рано
И растаю в розовом дыму.

Я сыграю в "ящик", я сыграю
В жизнь и смерть и, может, даже в рок.
От одной лишь мысли я теперь страдаю:
Обо мне не помнил и не вспомнит Бог.

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

В степи, у ближнего аула,
Как будто всем смертям назло,
Кавказ суровый карауля,
Одно лишь дерево росло.

Его зимою жгли морозы,
А летом солнце жгло его,
Потом жестоко били грозы, -
Хватало на веку всего.

И под его роскошной кроной
Я отдыхал в пути не раз,
И музыкой на Малой Бронной
Звучала лихо степь подчас.

И оживали вдруг картины,
Звучало дерево без струн
Небесной музой Паганини,
Земною музыкаю дюн.

Куда бы жизнь меня, как стерва,
Не забросала б в стужу ль, в зной,
Я вспоминаю это древо,
С моею схожею судьбой.

КАК ГОВОРЯТ...

Как говорят, ни холодно, ни жарко.
Как говорят, теперь мне всё равно:
Я догораю крохотным огарком
И не свечусь кометою давно.

Теперь я только скромный соглядатай,
И не смотрю глазами бойниц.
Мне наплевать на всё величье статуй,
Хоть перед ними раньше падал ниц.

Теперь грозой не восторгаюсь шумно
И босиком по лужам не брожу.
Быть может, это не совсем и умно,
Но я теперь ничем не дорожу.

Теперь живу бездумно и беспечно,
А по-другому просто не люблю, -
Ведь под Луной давно ничто не вечно,
Я ни о чём отныне не скорблю.

Как говорят, ни звёзды и не свечи,
Куда-то вдаль безадресно плыву...
Вот и настал и мой закатный вечер, -
Я ожиданьем больше не живу.

НЕ ВЕЗЕТ

Не везет мне.
Душа разрывается.
Невезение, словно долги.
Говорят, что и конь спотыкается,
Хоть имеет четыре ноги.
Не везет мне.
Всё просто не клеится, -
Полезай, если хочешь, в петлю...
Ведь туман невезенья рассеется, -
Я надеюсь на то и молю.
Не везет.
Запасусь я терпением
И до лучших времен подожду,
И не буду завидовать гениям,
И не стану лелеять вражду.
Не купить мне везенья на улице, -
Оно явится вдруг, словно гость.
Я не стану ни злиться, ни хмуриться, -
Ни к чему эта глупая злость.
Не везет мне,
Но жизнь продолжается, -
Значит, есть и друзья, и враги.
Это правда, и конь спотыкается,
Хоть имеет четыре ноги.

И ЭТА БОЛЬ...

Во мне есть жалость,
есть и эта злоба,
И есть души надломленной изгиб,
И эта боль до самого до гроба
О том, что так безвременно погиб.
Во мне есть грех и покаянье это,
И есть молитва только за других,
И власть зимы, и зной палящий лета,
И эта совесть, и печаль живых.
Во мне есть скорбь - и птиц веселых пенье,
И есть по мертвым этот вечный плач,
И есть мечта, и даже вдохновенье ,
И есть во мне и жертва, и палач.
Во мне есть всё - и бури, и метели,
И водопадов нрав крутой и стон,
И холод снежной, утренней постели,
И доброта, и милосердье крон.
Во мне есть боль, глубокая, как море, -
Она забыться не дает на час,
И есть во мне седое чье-то горе,
И есть во мне надежда, даже шанс.
Во мне есть жалость,
есть и эта злоба,
И есть души надломленной изгиб,
И эта боль до самого до гроба
О том, что так безвременно погиб.

ЕСЛИ СКАЖУТ

Если скажут люди: "Сердце - камень",
Усмехнусь неправоте такой:
Ведь живет в нем, как в вулкане, пламень
И стучит, как колокол порой.

Если скажут: "Сердце - не машина, -
Ненадежно и на малый срок,
Что порой взрывается, как мина,
А порою ноет, как щенок."

Если скажут люди: "Сердце - камень",
Усмехнусь я этим людям вслед,
Потому что сердце - это пламень,
Что затмить и Солнца может свет.

"Это ложь", - скажу я поневоле.
Сердце - камень? Это же смешно!
От печалей, от утрат и боли,
Может, в камень съёжилось Оно?

Если скажут люди: "Сердце - камень",
Усмехнусь неправоте такой:
Ведь живет в нем, как в вулкане, пламень
И стучит, как колокол порой.

Я БУДУ ЛЕЖАТЬ

Меня торопливо земле предадут,
К себе поспешат домой.
Я буду лежать не в цветущем саду,
В могиле совсем глухой.

И будет также солнце ходить,
Иль будет ливень и град,
Я не один в тот день. поди,
Уже не вернусь назад.

И будет адрес другой у меня,
Другой совсем район,
И вечная ночь, без света дня,
Не зазвонит телефон.

А это значит - уйти в никуда,
Рассеяться в пыль и в прах.
Зачем для себя не жил тогда,
Не утопал в цветах?

Об этом знал я давным-давно,
Что всё суета сует.
Но это уже другое кино,
В котором обмана нет.

И ЖДЕТ МЕНЯ...

А ждет меня, наверно, плаха,
Что пребываю в мире грез...
Мне б встретить только Машияха, -
Он мне б спасение принес.

И ждут меня, наверно, муки -
Я видел много страшных снов.
И ждут опять, видать, разлуки,
Неразделенная любовь.

И ждут, наверно, вновь дороги-
Друзья прикроют, как броня,
И будут вновь молиться боги, -
Наверно, также за меня.

И ждут меня, наверно, битвы, -
Я приготовлю снова меч,
И может, Боговы молитвы
Меня сумеют уберечь.

И ждет меня, наверно, слава
Святого, видевшего ад...
А я желал бы только права:
Вернуть бы маму мне назад!

МОЛИТВА

Жизнь моя, как битва, -
Бой не для утех.
Жизнь моя - молитва,
Что одна на всех.

Жизнь моя, как битва,
Медовые хлеба.
Она - моя молитва,
Она - моя судьба.

Жизнь - мое терпенье,
А я - ее король.
Она - мое сражение,
Моя печаль и боль.

Жизнь моя, как битва, -
Бой не для утех.
Жизнь моя - молитва,
Что одна на всех.

ЕСЛИ Б МОЖНО...

Если б можно было вернуться к себе,
К своим двадцати годам,
Я был бы очень обязан судьбе
И был бы влюблен, как Адам.

Если б можно было
уйти от врагов,
Я б не был таким седым,
Если б можно было
не знать дураков,
Я был бы совсем другим.

Если б можно было ошибок груз
Выплеснуть в никуда, -
Взошел бы играючи я на Эльбрус,
Продлил бы свои года.

Если б можно было просить у себя
Свернуть с дороги вражды,
Я так бы сейчас не сидел скорбя
И не горел бы в дожди.

Если б смог я вернуться туда,
В царство былой любви...
Но вспять никогда не идут года,
Как ты их ни зови!

ПОПУГАЙ

Я подобен теперь попугаю,
Что порой развлекает гостей:
Я чужие слова повторяю,
Хоть мои во сто крат и мудрей.

Не живу я, как в прошлом, утратой,
И грудей не волнуют соски.
Я всего лишь теперь - соглядатай,
Что взирает на всё без тоски.

Не врываюсь в открытые двери, -
Я далек, как Земля от Луны,
От мечтаний, былых суеверий, -
Нет у сердца заветной струны.

Я взираю на всё равнодушно -
На цветы, на траву и на снег,
И уже ничего мне не нужно,-
Мой уже завершается век.

Я подобен теперь попугаю,
Что порой развлекает гостей:
Я чужие слова повторяю,
Хоть мои во сто крат и мудрей.

ДВЕ ДОРОГИ

У меня теперь две дороги,
Две до смерти всего ходьбы. -
Я стою как шомер у порога
Своей собственной судьбы.

У меня теперь две печали,
Две последние борозды.
Мне всю жизнь настойчиво лгали:
Свет придет от дальней звезды.

У меня теперь два сомненья
И потухшие огни.
Я не радуюсь дню рожденья -
Может, будут светлые дни.

У меня теперь две обиды:
Нужен ливень - приходит зной,
И веселье, азарт корриды...
Мне же хочется быть собой.

У меня теперь две дороги,
Две до смерти моей ходьбы.
Может, знают даже боги
О печалях моей судьбы.

ЖИВУ ВТОРОПЯХ

Я в делах разбираюсь не шибко
И живу второпях, на бегу, -
Потому - каждый шаг мой - ошибка, -
Ошибаюсь на каждом шагу.

Я прожить без ошибок стараюсь
И даю себе в этом зарок,
Но опять в сотый раз ошибаюсь
И ломаю кинжала клинок.

Ошибаюсь, скажу я без спора,
И ошибок несметных не счесть, -
Ошибаюсь, но верю, что скоро
Отличу от правдивости лезть.

Ошибаюсь жестоко порою,
Не спасает меня седина.
Я плачу дорогою ценою -
Высока тех ошибок цена.

За ошибки страдаю и каюсь,
И даю себе снова зарок,
И прожить без ошибок стараюсь,
И опять ошибаюсь, как Бог.

Роман Бадалов. Кавказские тосты.

КОГДА УМРУ...

Когда умру, мне всё равно,
В какой земле лежать.
Я не сумею там окно
Открыть, чтобы сбежать.

И там не будет ни окна,
Ни створок, ни дверей, -
А будет только тишина
И царство лишь ночей.

Когда умру, мне всё равно,
Что будет: дождь иль снег...
Пока с тобою пью вино, -
Оно продлит мой век.

КАК СИЗИФ

Всё это правда. Может, миф.
Всё это так,
И в том нет спора,
И я порой, как царь Сизиф,
Катаю круглый камень в гору.

Уже у цели я, кажись,
Уже у самой у вершины
Мой камень вдруг слетает вниз,
Пугая гулом взрыва мины.

Уже в нежданную грозу
Кроваво-синими руками
В который раз я вверх ползу,
Толкаю в гору хитрый камень.

Но он опять уж в сотый раз
Летит к подножью с горной кручи.
Другой себя бы только спас,
А я опять наверх, где тучи.

Всё это, может быть, и миф, -
Судьба порой даёт мне фору,
А я - измученный Сизиф,
Катаю снова камень в гору.

ТРИ ЖЕЛАНЬЯ

Три желанья имел я,
 как царь Соломон,
Но ни разу счастливым я не был,
 как он.
Сад Любви я хотел непременно
 взрастить,
А еще всех несчастных
 и бедных спасти.
Я хотел только жить
 среди близких друзей,
Но враги меня ввергли
 в объятия цепей.
Я желал и просил вечной славы
 венок,
Только дал мне в ответ
 одинокество Бог.
Я, в обиде, на вольные вышел хлеба,
Что ж, у каждого в жизни
 слепая судьба.
Три желанья имел,
 не сбылось ни одно,
Но не стал я лакать от печали вино.
Три желанья имел я,
 как царь Соломон.
Позабылись они,
Словно призрачный сон.

ЗАЧЕМ МНЕ ЛИВЕНЬ?

Зачем мне лето и к чему зима,
Когда во мне замолкли все грома?
 Зачем мне эти дивные цветы,
Когда давно в печали ходишь ты?
К чему мне эта поздняя любовь,
Когда во мне заледенела кровь?
Зачем мне этот ливень, милый брат,
Когда давно уже засох мой сад?
К чему мне эта чудная игра,
Когда уже в обратный путь пора?
Зачем мне эти сплетни и молва,
Когда в снегу белесом голова?
Зачем мне ливень и к чему мне зной,
Когда желанен только лишь покой?
Зачем мне слава и к чему завет,
Когда на сердце сладострастья нет?
К чему молитвы и к чему сирень?
Я не живу. Я убиваю день.
К чему друзья мне и враги зачем,
Когда сказал я: "До свиданья" всем?
К чему мне радость и к чему печаль,
Когда меня не манит больше даль?
Зачем мне море и к чему ручей,
Когда уже забыт я и ничей?

МНЕ СПОРИТЬ НЕЗАЧЕМ...

Мне спорить незачем с судьбой:
К чему огонь в палящий зной?
К чему воды взрывной поток,
Когда уходит всё в песок?
Но я, наверно, Дон Кихот:
Мне на замке держать бы рот,
А я к молчанью не привык, -
Пускаю в ход кинжал-язык.
О, я конечно, не Спартак, -
Не удержать мне злых "собак".
Они оравой на меня
Летят со скоростью огня
И наострив свои клыки,
Хотят разрезать на куски.
Но я пока еще живой
И спорю со своей судьбой.
Каким бы ни был мой конец,
Я счастлив: я - всегда боец!

Я ОБМАНОМ ИЗУВЕЧЕН

Я обманом изувечен,
Я предательством сражен, -
То по мне ведь плачут свечи,
Будто плачет сотня жен.
Я стрелой коварства ранен.
Я похищен, как птенец.
Я бежал быстрее лани,
А теперь я - лишь мертвец.
Я казнен без проволочек,
Без суда и без судей
И, как лакомый кусочек,
Брошен я в объятия змей.
Я казнен слепую мезтью,
Я враждою заклеймён,
Я похищен сладкой лезтью, -
И всё это - страшный сон.
Я обманом изувечен,
Я предательски зарыт.
Ты - бальзам мой.
И при встрече
Я воскресну, хоть убит.

ЖИВУ В ДОЛИНЕ

Живу в долине Иордана,
Где тьмы и света полоса,
И хоть скулит на сердце рана,
Живу, всё веря в чудеса.

Живу, всё веря в предсказанья,
Живу, всё веруя другим, -
И до последнего дыханья
Останусь, видно, я таким.

Живу не то чтобы богато,
Не то, чтоб в праздности какой,
А жизнью вечного солдата,
Что спорит с грустною судьбой.

Живу, всё веря в предзнаменья,
Не уставая в жизни ждать,
И не кляня свой день рожденья,
Когда чужая рыщет рать.

Живу, как жил я, людям веря,
Живу, волнуясь и скорбя,
И всем мои открыты двери:
Я не хочу беречь себя.

Что суждено, пусть то и будет-
Всё видел на своем веку.
Коль грешен я - пусть Бог осудит,
Я от суда не убегу.

Живу долине беспокойной,
Где в солнце нежится Восток,
И где о снах забыли войны,
Где с высоты взирает Бог!

Живу в долине Иордана,
Что не вблизи Кавказских гор.
И вновь скулит на сердце рана,
И жизнь ведет со смертью спор.

Я ЖИВУ

Я живу теперь из любопытства
К переменам будущего дня:
Вдруг возьмет то самое бесстыдство
И нагрянет прямо на меня.

Я живу теперь намного тише
И к путанам в гости не хожу.
Я теперь в стране еврейской - нищий,
Хоть и подаянья не прошу.

Для меня прошли все сроки жатвы,
Я теперь не верю ни во что -
Ни в какие заверенья, клятвы -
Наперед, скажу я, лет на сто.

Я живу немного торопливо
Из боязни просто не успеть,
Хоть на жизнь взираю, как на диво, -
Мне теперь не страшно умереть.

И СТИХИ, И ТЕРРОР...

Для меня теперь всё актуально:
И стихи, и террор, и война,
И Танах, и легенды, и спальня,
Где лежит вождеденно Она.

Для меня обретают значенья
И молитв, и заклятий слова,
И Луны, и Светила затмения,
И горящие кровью дрова.

Для меня теперь всё символично,
И от брэнной уйдя суеты,
Я ответственность чувствую лично,
Что кого-то не спас от беды.

Для меня теперь всё однозначно:
Хлеб насущный, и кров, и покой.
И не всё в этой жизни так мрачно,
Если даже и проигран бой.

НЕ ВЗИРАЮ

Не хожу без штанов на досуге,
Не дразню от безделья собак,
Не сижу, заперевшись в испуге,
От грядущих, неистовых драк.

Не вожу ни застолий, ни оргий
И не зарюсь на жен на чужих,
Не веду безрассудные торги, -
Не меняю на деньги свой стих.

Всё продажно - быть может, и Лира,
Злые зимы и злые дожди.
Я знаком даже с сильными мира,
Что живут не совсем без вражды.

Я иду, я бегу, спотыкаюсь,
На обмане кого-то ловлю.
Я смеюсь, я рыдаю, я каюсь,
Ненавижу, кого-то люблю.

Не взираю на всё с раболепьем,
Не хую свое в злобе житьё, -
Коль судьба мне досталась по жребью,
Камень мести не брошу в нее.

АХ, ЭТА ЖИЗНЬ...

Ах, эта жизнь - игра без правил -
Всё превращает в ад и в мёд,
И в муках умирает Авель,
А Каин весело живет.

Ах, эта жизнь - подобна мне:
Лишь наступи, и всё к чертям,
И плачет скрипка Паганини
По нашим скучным, черным дням.

Ах, эта жизнь - дожди зимою,
А в мае жарком - снег и град, -
И я живу от боя к бою -
За мной, как будто, Сталинград.

Ах, эта жизнь - шторма и грозы,
Печаль и смех, любовь и смерть,
И солнца луч, и снова слезы,
И вновь и вновь обманов сеть.

Ах, эта жизнь - сплошная сказка,
Сплошное диво и укор, -
Так лихо вдруг меняет краски:
Святым стать хочет даже вор!

БОЮСЬ...

Боюсь быть сытым и лукавым,
Боюсь трусливым быть, ханжой,
Боюсь быть подлым и неправым,
Боюсь чужим быть там, где свой.

Боюсь быть ябедой, Иудой,
Боюсь быть добреньким, простым,
Боюсь витринной быть посудой
И за собой сжигать мосты.

Боюсь быть скучным и слезливым
И быть злопамятным боюсь,
Боюсь огня спаленной нивы,
Боюсь суда ревнивых муз.

Боюсь путанок и обмана,
Боюсь гадалок и льстеца,
Боюсь ущелий Дагестана,
Услуг двуликого лица.

Боюсь быть гордым, словно страус,
Боюсь быть мелочным, скупым,
Боюсь известным быть, как Штраус,
Боюсь тобой быть нелюбим.

ОПЯТЬ БОЮСЬ...

Боюсь, как мальчик, разрыдаться,
Боюсь упасть, как с ветки лист,
Боюсь я миной разорваться,
Боюсь двуногих хитрых лис.

Боюсь остаться в ночь под градом,
Слететь в кипящий водопад,
Боюсь кого-то жестким матом
В сердцах неожиданно обозвать.

Боюсь быть преданным любовью,
Боюсь, что зла не отличу,
Боюсь: до своего гнездовья
Однажды я не долечу.

Боюсь, что больше не увижу
Твоих искрящихся очей.
Боюсь что мы не станем ближе -
От ночи страсти нет ключей.

Боюсь, как мальчик, разрыдаться,
Боюсь я жалости твоей,
Боюсь непонятым остаться -
Кавказец праведных кровей.

В ЭТОТ ЧАС

Я не знаю, буду ли богатым,
Я не знаю, буду ль знаменит,
Но одно я точно знаю - это дату,
День, когда я буду вдруг убит.

Я не знаю, есть ли жизнь на Марсе,
Я не знаю, есть ли ключ от снов,
Но одно я знаю: много мрази,
А еще - не меньше дураков.

Я не знаю, буду ль на вершине
Иль с небес я в пропасть угожу, -
По ошибке подорвусь на mine,
Но за жизнь нисколько не дрожу.

Я не знаю, что судьба - индейка
Мне черкнула в виде телеграмм,-
То всё завтра, а пока налей-ка
Мне тех русских, боевых сто грамм.

Я не знаю, буду ли у моря
Иль на бранном поле в этот час...
Только ты не предавайся горю:
Смерть не в силах разлучить всех нас...

СКАЖИ КОМУ-НИБУДЬ...

Скажи кому-нибудь другому,
но не мне,
Что есть евреи даже на Луне.
Скажи кому-нибудь другому,
милый брат,
Что ты дождался от людей наград.
Скажи кому-нибудь, что все родня,
Когда хоронят заживо меня.
Скажи кому-нибудь другому:
"Все добры",
Когда тебя бросают вниз с горы.
Скажи кому-нибудь другому:
"Правда есть",
Когда тебя хотят, как волки, съесть.
Скажи кому-нибудь другому:
"Нет врагов",
Когда на свете столько дураков.
Тверди кому-нибудь другому:
"Всё о-кей!",
Когда не всюду скажешь: "Я - еврей!".
Скажи кому-нибудь другому:
"Рай кругом",
Когда порой и свой не в радость дом.
Скажи кому-нибудь другому,
но не мне,
Что есть евреи даже на Луне.
Скажи кому-нибудь другому,
милый брат,
Что ты дождался от людей наград.

ЕСЛИ Б СМОГ Я...

Если б смог я превратиться
В красноглазого орла, -
Всех берёг бы, как царь-птица,
Помогла бы мне Тфила.*

Если б стал я горной кручей
Или сказочным конем, -
Разогнал бы злые тучи,
Оросил бы всё дождем.

Если смог я стать бы Зевсом, -
Ну, хотя б на пару дней,
Я огня не чтит бы мессу,
Хоть мне б клялся Прометей!

Если б смог я стать звездой
За вселенскою чертой,
Я бы жил чужой бедою,
Наделял бы всех красой.

Если б смог я превратиться
В красноглазого орла, -
Исклевал бы подлым лица,
Чтоб не сеять в мире Зла!

* Тфила - молитва (ивр.)

Я МОГ БЫ ЖИТЬ...

Я мог бы жить
Легко и просто,
Без треволнений и забот,
Наверно, лет, ну скажем, до ста,
А выходные здесь не в счет.

Я мог бы жить без дней печали,
Распутных женщин и вина, -
Но все вокруг так сладко ввали,
И я поверил им сполна.

И бросил я свое жилище,
Чужую в руки взял соху, -
И вот теперь на пепелище
От злости предаюсь греху.

Я мог бы жить другою жизнью,
В застолях провести свой век...
Но умерла моя отчизна,
А с ней и я, как человек!

Роман Бадалов. Кавказские тосты.

О, ЭТОТ ХЛЕБ...

О, этот хлеб - святой и грешный, -
Тот, что на поте и крови
Замешан в наших душах спешно
Во имя правды и любви!

О, этот хлеб - простой, душистый,
Что разделяет и роднит, -
Звучит мелодиями Листа
И возвращает боль и стыд.

О, этот хлеб такой знакомый
Руками матери пропах, -
Нет без него уюта в доме,
Он пахнет мятой на губах.

О, этот хлеб - мое богатство,
Мой круг спасительный, мой бог,
Мой талисман от святотатства
И мой бальзамовый исток.

Я верю в этот хлеб покуда,
Но только мучает вопрос:
Коль жив еще средь нас Иуда, -
То, зная, не умер и Христос.

МОЕ СОЛНЦЕ

"Мое солнце идет на восход", -
Говорил я когда-то в восторге
И как будто с тех самых высот
Опускал с наслаждением ноги.

Мое солнце идет на восток,
В Средиземном купается море, -
В небесах озадаченный Бог
Будто ходит со свитками Торы.

Мое солнце разит облака
И тепло посылает на Землю,
И лучам его рады стога,
Ну, и я той идиллии внемлю.

Мое солнце всё держит свой бег, -
В знойный август и даже зимою.
У меня на висках уже снег,
А оно, как всегда, молодое.

Мое солнце
Пошло на закат,
Опускаясь всё ниже и ниже, -
И тому я, конечно, не рад:
Ведь к последнему часу всё ближе.

У САЛЬЕРИ

Надо мною Зло кружится,
И покоя нет ни дня, -
Словно коршун - хищник-птица
Прямо целится в меня.

Надо мною вражья стая,
И вокруг вся вражья рать,
А толпа зевак людская
И не думает спасать!

Им бы зрелище для глаза,
А какая там любовь
К чужаку, притом с Кавказа, -
Тем нужна не честь, а кровь.

Надо мною злые тени
Цвета ночи и крови, -
Я опять, как добрый Гений,
У Сальери в нелюбви!

СНЕГ НА ХЕРМОНЕ

Снег выпал разве только
на Хермоне?
Ты посмотри на голову мою:
Заснеженные, вздыбленные кони
Летят , не зная отдыха в бою.

Снег выпал разве только
на вершины?
Он сердце мне посеребрил давно, -
Я чту обет кавказского мужчины
И не хую того, что суждено.

Снег выпал разве только на утёсы?
Он щедро вдруг запорошил меня,
И я иду сквозь дикий смех и слезы,
Как именитый всадник без коня.

Снег выпал разве только на травинки,
От солнца загоревшие в лесу?
Он белой скорбью лёг на все морщинки,
Которые я на лице несу.

Снег выпал разве только
на Хермоне?
Моя давно вся голова в снегу.
Мои летят серебряные кони,
Но я сбежать из плена не смогу.

Я НЕ БУДУ

Я не буду богатым, как Ротшильд,
Иль известным таким, как Пеле, -
Сколько б лет я капризных ни прожил
В горьких муках на этой земле.

Я теперь, может, к хищному зверю
Даже больше доверья храню,
Ну а людям - а людям не верю,
Я от них облачаюсь в броню.

Мне наскучили эти обманы,
Бесконечное это враньё, -
Потому больше верю в туманы,
В это хищное, злое зверьё.

Я теперь бесконечно страдаю
За свои и чужие грехи, -
Ложь и правду стихами сгребаю,
Словно зубьями старой сохи.

Я теперь, как стозвонное эхо,
Отзываюсь на голос чужой -
И как будто бы в комнате смеха
В зеркалах сам смеюсь над собой.

Я не буду, как Демон, зловредным
И не стану властителем душ, -
Дон Кихотом останусь и бедным,
Но поклонником Марф и Катюш.

Я не стану и ангелом добрым -
Ну, зачем мне всё это кино,
Если рядом гориллы и кобры
Моей смерти желают давно?

Я не буду, как Ротшильд, богатым,
Знаменитым таким, как Пеле.
Что ж, простят меня, может, солдаты,
Что лежат безымянно в земле.

ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ...

Журавль в небе

Кружит тихо, плавно, -
Не самолет на взлетной полосе, -
И на душе становится так славно:
Брожу, как будто ранью по росе.

Журавль в небе,

ах, журавль в небе, -
Летит легко
не в роковом пике.
Как некогда, уже не верю слепо,
Что лучше быть с синицею в руке.

Журавль в небе. Затаив дыханье,
Я с завистью и нежностью смотрю, -
И будто после первого свиданья,
Я сам, как птица, в небесах парю!

КОГДА-НИБУДЬ...

Когда-нибудь я оживу опять,
Вернусь сюда, сбежав из тьмы и ада,
Чтоб может быть, в который раз понять,
Что в жизни мне не так уж много надо.
Когда-нибудь забудут обо мне, -
Не вспомнят невзначай и ненароком, -
Кому-то в снах приснюсь я на коне, -
А наяву - останусь я пророком.
Когда-нибудь растаю, как заря, -
Таинственно и трепетно исчезну:
Меня похитят древние моря,
А может быть, я кану тихо в бездну.
Когда-нибудь я в образе другом
Явлюсь к себе на краткий миг обратно,
И будет всё другое, даже дом,
В котором я любил тебя так жадно.
Когда-нибудь я оживу опять,
Вернусь сюда, сбежав из тьмы и ада,
Чтоб может быть, в который раз понять,
Что в жизни мне не так уж много надо.

НЕТ, Я НЕ СТАРЫЙ..

Нет, я не старый. Я - седой,
А старость где-то за горами.
Нет, я не добренький, а злой,
Хоть и романтик - с кулаками.

Нет, я не жадный, а транжир, -
На стол - сейчас же, что имею, -
Не то, чтоб удивить весь мир,
А так живу, как я умею.

Нет, я не рыцарь-мушкетер,
Но всё равно владею шпагой.
Нет, я не мудрый, а хитер:
Где не умом - беру отвагой.

Нет, я не клоун, лишь артист,
И мне везет всегда на роли.
Перед людьми всегда я чист,
Хотя чужой не знаю боли.

Нет, я не старый. Я - седой,
Моя несется колесница;
Но улетел журавль мой,
В руках осталась лишь синица.

Я БУДУ ЖИТЬ...

Я буду жить
И после смерти,
Но жизнью призрачной, другой,
И может быть, на этом свете
Еще мы встретимся с тобой.

Я буду жить,
Как Бог, как ангел,
Как на лугу, в лесу трава,
Я буду перцем, сладким манго,
Сгорю, как в пламени дрова.

Я буду жить одно мгновенье,
Я буду вечен, как моря,
Я буду горем, вдохновеньем,
Я буду весел, как заря.

Я буду жить, пока живется,
Пока со мною рядом ты,
Пока вдруг сердце не взорвется
От вечной грусти, суеты.

Я буду жить и я исчезну,
Но не жалея, не скорбя,
Пока не угодил я в бездну,
Хочу таинственно тебя.

НА СУДЕ ПОКАЯНЬЯ

На суде покаянья
Мне последнее слово дадут,
Но о чём мне поведать?
Ну, конечно, о жизни в аду.
Ну, конечно, о сердце, разбитом
на части давно,
И о жизни, с которой сравниться
не может кино.
На суде покаянья я предстану,
как голый король.
О, во мне, как заноза,
чужая запрятана боль.

На суде покаянья -
Рядом будут друзья и враги -
Не скажу никому:
"Ну, приди же скорей, помоги!"

На суде покаянья
Я последнее слово возьму
И отвечу не Богу, не смертным -
Лишь себе самому.

Я решу навсегда
Этот вечный и княжеский спор:
На суде покаянья
Сам себе подпишу приговор.

НЕ УМЕЮ

Не умею жить под маской,
 как Иуда,
Или взять и обойти слепца.
Есть во мне и удаль Робин Гуда,
И любовь красивая отца.

Не умею обмануть надежду,
Но боюсь червивой клеветы,
А еще боюсь, когда невежды
Осыпают мусором цветы.

Не умею жить ни под пятой,
 ни маской,
Иль кого-то на крови купить.
Не умею выдать скорбь и плач
 за сказку -
Если б смог, то легче
 было б жить.

Не умею быть я
подлым и двуликим,
Но боюсь ужасно козней подлеца.
Не хочу быть мудрым, сытым и великим, -
Мне б собой остаться в жизни до конца.

ЗАВТРА БУДЕТ

Завтра будет зной.
На душе - метель,
И в снегу голова.
И меж нами опять
будет дуэль,
Будут опять слова.

Завтра вспыхнет звезда,
Затмит мой свет,
И я уйду в печаль,
И мной завладеет,
как прежде, бред,
Сбегу туманом в даль.

Завтра будет дождь,
И я пойду
По лужам босиком.
Не бойся, я с ума не сойду -
Речь совсем не о том.

Завтра будет солнце,
А я - во тьме,
Останусь в дураках.
А дело в том, что иду к зиме,
И сердце крутит страх.

ПУТЬ СПАСЕНИЯ

Я в собственной жизни, как будто в лесу,
Давно заблудился, но "крест" свой несу.
Плутаю в потемках, а света всё нет.
Устал я от вечных невзгод и от бед.

Я в собственной жизни блуждаю во тьме
И будто навеки прописан в тюрьме.
Взываю к Всевышнему: "Ну, помоги, -
Не то меня здесь одолеют враги!"

Но нет мне ответа, как прежде, с небес.
Лишь только чернеет и хмурится лес.
Я в собственной жизни утратил тропу...
Но слава Всевышнему: я не в гробу!

А может быть, скоро поможет мне Бог -
Укажет на свет мне одну из дорог?
Я в собственной жизни блуждаю давно:
Пути для спасенья мне нет всё равно.

ЗЛОВРЕДНЫЕ ЛИЦА

Ухмыляются вслед мне зловредные лица,
Ухмыляются так, будто праздник души,
Будто я не поэт -обреченная птица, -
Лишь возьми карандаш и некролог пиши.

Я себя их злорадством совсем не тревожу, -
Пусть блаженные чуть веселятся порой,
А при случае врежу я каждому в рожу,
Чтобы не было скучно им вовсе со мной!

Ухмыляются вслед - не печалюсь нисколько:
Ведь смеются-то сами они над собой!
Об одном, может быть, сожалею я только:
Что для всх эти "люди" хотят быть судьей.

Ухмыляются вслед - утешенье пустое, -
Это зависти черной загадочный бред,
Это выстрелы в спину уже после боя,
Что значенья не могут иметь для побед.

Ухмыляются вслед мне коварные лица,
И от зависти черной горит их нутро.
И летит высоко обреченная птица,
Что взлетела как будто из сказок Перро!

МИШЕЛЬ НОСТРАДАМУС

Мишель Нострадамус всё вычислил точно
О смерти моей в обозримом году,
Пока же сейчас в магазине цветочном
Букет подбираю тебе, как в саду.

И думать о смерти не хочется, право,
Подарок царевны мне твой поцелуй,
И мне ни к чему восхождение и слава,
Когда обжигают волос твоих струй.

Я знаю, что жизнь нас не балует часто,
И всё же я ею всегда вдохновлен.
Приходят мгновенья забытого счастья,
Потом улетает всё это, как сон.

И я остаюсь навсегда одиноким -
Заброшенный, дикий, как сумрачный сад,
Куда не приходят ни люди, ни боги,
Где вечное царство обид и утрат.

Мишель Нострадамус придирчив был к слову,
Он точность любил, беспокойство храня,
Но вот не сумел предсказать катастрофу,
Которая в жизни постигла меня.

УЖЕ НЕ ХОЧЕТСЯ

Уже не хочется любви,
Уже лишь хочется покоя,
Как сигареты на двоих
В траншее ржавой после боя.

Уже не хочется весны,
Уже не хочется и ласки, -
Другие в жизнь приходят сны,
Другие горестные сказки.

Уже не хочется молвы,
Уже не хочется и славы,
Что слаще мёда и халвы,
Что горше даже, чем отравя.

Уже не хочется любви,
Уже лишь хочется покоя,
Как сигареты на двоих
В траншее ржавой после боя.

НЕ ПОСЫЛАЙ

Не посылай меня за смертью -
Я очень долго не приду.
Я лучше стану хитрой сетью,
В себя вбирающей беду.

Не посылай за смертью гадкой:
То не по мне такая жуть.
Я лучше стану песней сладкой
Твою лелеять стану грудь.

Не посылай меня за смертью:
От страха я с ума сойду.
Не заставляй светиться медью,
Когда я с золотом в ладу.

Не посылай за смертью вечной,
И как всегда, не горячись,
А лучше за звездой Млечной
Меня пошли без всяких виз.

Не посылай за смертью жуткой.
Печали с плеч сойдет гора.
Пусть это будет доброй шуткой,
Что ты придумала вчера.

ПОКА ЖИВЫЕ

Плескаясь музыкою оргий,
Давай, сольемся в злую страсть, -
Пока живые. а не в морге, -
Друг другом насладимся властью!

Пусть дураки рождают ссоры,
А мы, отбросив сказки прочь,
Оставим эти разговоры,
Уйдем в любовь -
 как в день и в ночь...

Познаем губ медовых сладость -
Любви закружит нас метель,
И мы ее познаем радость:
Как в райский сад, войдем в постель.

Ты, как загадочная фея,
Опять подаришь мне любовь,
И в брачном танце, словно змеи,
Сольются наши руки вновь.

Лечу от музыки в восторге,
И мной владеет снова страсть, -
Ко мне приходит радость оргий -
Души и тела злая власть.

НУ, ОБМАНИ

Ну, обмани меня хоть раз,
Скажи, что я красив, как Демон,
Что выше даже, чем Кавказ,
Что слаще персика и джема.

Ну, обмани продли мой век.
Я так уже в обманы верю,
И чистотой кавказских рек
Я, к сожаленью, это мерю.

Ну, обмани! Я всё стерплю.
Ну, дай немножечко бальзама, -
Скажи одно лишь мне: "Люблю!",
Хоть правды в том не будет грамма.

Ну, обмани, скажи что ты
Меня божественно любила,
Хотя разбила все мечты,
Хотя во мне всю страсть убила.

Ну, обмани, ну, обмани:
Скажи: "Навек ушло ненастье,
И впереди остались дни,
Когда узнает сердце Счастье!"

СПЕШУ

Э. Н-вой

Спешу уведомить тебя,
Что я не умер от разлуки,
И даже, к счастью, на себя
Не наложил во гневе руки.

Спешу уведомить, скорей,
Что я остался в мненьи том же,
Что не боюсь молвы людей
И что не стал безликим бомжем.

Спешу уведомить о том,
Что знаю жизнь не с книжных полок,
Что не страдаю о былом,
Хоть жжет меня вражды осколок.

Тебя уведомить спешу,
Что я еще живу на свете
И в сердце боль обид ношу.
Не расставляй мне снова сети!

Роман Бадалов. Кавказские тосты.

СНЕГ ОБИДЫ ...

Снег обиды во мне не растаял,
Хоть с тобой мы расстались давно,
А с годами, большее сжигая,
Лишь крепчает та боль, как вино.

Снег обиды во мне, как осколок,
Будоражит всё тело мое, -
Хоть пиши ты досрочно некролог, -
Стало каторгой вечной житье.

Снег обиды во мне, как заноза, -
Что ж, пройдет, перемелется боль
И растает, увянет, как роза,
Перестанет есть сердце, как моль.

Снег обиды во мне не растаял,
И не знаю, растает ли он.
Часто грезится жизнь молодая -
Так похожая, вправду, на сон.

МОЙ АНГЕЛ

Гале

Мой ангел, я скажу всерьёз,
Да, постарел я так заметно
От снегопадов и от гроз
И также всё живу я бедно.
Мой ангел, всё ушло в песок,
И не сбылись мечты и грезы.
Я думал, мне поможет Бог,
А он прибавил только слезы.

Мой ангел, я устал давно
От клятв пустых и обещаний.
Всё это даже не смешно,
А фальшь одна и скука брани.
Мой ангел, я ценю добро,
И слово чести, и отвагу,
Волос душистых серебро,
Оружье рыцарское - шпагу.

Мой ангел, не прими в укор,-
Теперь мне хочется покоя.
А что принес мне вечный спор? -
Одну лишь кровь на поле боя.
Мой ангел,
Я теперь богат
Не златом даже, не дворцами,
А скорбью вечною утрат,
Что трудно выразить словами.

ЗАТМЕНИЕ

И на меня нашло затмение:
Я изменил тебе с другой.
Моим то было поражением,
Моею Курскою дугой.

И память спит травую смятою,
Былое редко ворошит,
А я живу с такой утратою -
Утратой сердца и души.

И не уходят в ночь сомнения
И чувства, вспыхнувшие вдруг,
Сердец загадочных сплетение,
Тепло уже забытых рук.

И мысли ходят беспорядочно,
Я снова ухожу в обман,
И снова строю домик карточный,
Не замечая жгучих ран.

И на меня нашло затмение:
Я изменил тебе с другой.
Моим то было поражением,
Моею Курскою дугой

ЦВЕТЫ НЕ ХОТЯТ..

Цветы не хотят балагурить со мной.
Я впрямь языка их не знаю,
И очень мне грустно
Как в дни, что с тобой
В разлуке, мой ангел, бываю.

Цветы улыбаются лицам другим,
А мне лишь кивают уныло, -
Наверно, любили меня молодым,
Когда восемнадцать мне было.

Как будто я ранил
Обидою мать -
На сердце сплошное страданье.
Цветы не хотят мне
Ни "здравствуй" сказать,
Ни даже шепнуть "до свиданья"...

ОПЯТЬ О ЖЕНЩИНАХ МОЛВА

Опять о женщинах молва
Несется вскачь, как ветер летний.
Опять обидные слова
И эти каверзные сплетни.

Опять мне шепчут о тебе, -
Опять те самые наветы
Бегут за мною по тропе,
Мне на душе чеканя меты.

Но я не верю в эту ложь
И в эти злые прегрешенья, -
Всё это смоем первый дождь,
И Яго сгинет от горенья.

Всё это так знакомо мне.
Не убегаю быстрой ланью:
Любовь должна быть на войне,
Должна познать все испытанья.

Опять о женщинах молва,
Их низвергают грубо с трона.
Любви обманчивы слова,
Но есть на свете Дездемона.

СПЕЦ

Я пятнадцать женщин - сожитель,
И по части по этой я - спец,
И не то, чтоб маэстро - любитель,
И не то, чтоб охотник-стрелец.

Я пятнадцать женщин - утеха,
Я пятнадцать женщин - бальзам.
Я в пятнадцать комнатах - эхо,
Ток дающий влюбленным сердцам.

Я пятнадцать женщин - разлука,
Я пятнадцать женщин - уют,
Их везенье, печали и мука,
Их последний и тихий приют.

Я пятнадцать женщин - сомненье,
Я пятнадцать женщин - любовь,
Я пятнадцать женщин - спасенье,
Их надежда, и радость, и кров.

Я пятнадцать женщин - желанье,
Для пятнадцати женщин - раввин,
Одиноко порхающий ланью
И живущий на свете один.

НУ, ВОТ И ВСЁ...

Ну, вот и всё - теперь чужие,
Теперь у каждого из нас
Свои дороги и святые,
Свое паденье, звездный час.

Ну, вот и всё - теперь безмолвье,
И чья-то в этом есть вина,
И между нами, меж любовью,
Теперь немой вражды стена.

Ну, вот и всё - теперь разлука,
Теперь безрадостные дни,
И нет спасательного круга,
И нет лекарства от вины.

Ну, вот и всё - прощай бывшее, -
Ни веры, ни надежды нет.
Одно лишь на поверке злое -
Не жизнь - один лишь тихий бред.

Ну, вот и всё - чужие люди,
Чужие взгляды и ... молва.
Другой твои ласкает груди
И шепчет нежные слова.

ПОСТАВЬ И МНЕ...

Марине

Поставь и мне свечу святых,
Хоть святость есть особый статус, -
Ни в стане мертвых, ни живых
Ведь я давно уже не значусь.

Поставь и мне свечу в углу,
Как тем, что пали там, под Ровно,
Пусть свет ее рассеет мглу,
Пускай горит она безмолвно.

Поставь и мне свечу утрат,
Молись за нас, как прежде, страстно.
Я знаю, что такое ад,
Но только ты не плачь напрасно.

Поставь и мне свечу любви,
Сомненьем душу не терзая.
Пусть волшебством слова твои
Откроют мне все двери рая!

Поставь и мне одну свечу.
Что ж, велика цена разлуки
И та, которую плачу
За мне дарованные муки.

Я СОСКУЧИЛСЯ

Я соскучился по снегу,
По твоим родным губам,
По Эльбрусу и Казбеку,
По шальным степным ветрам.

Я соскучился по макам,
Полыхающим в степи,
И по диким, пьяным дракам,
Где "сорвались все с цепи."

Я соскучился по травам,
Что окроплены росой,
И немножечко - по праву
Водку "кушать" с колбасой.

Я соскучился изрядно
По твоим глазам большим, -
Тяжело, но всё ж приятно
Быть мне пленником твоим.

Я соскучился по ласке,
Жизнь моя - сплошной базар.
Возвращаюсь снова в сказку -
Я, воскресший из хазар.

Я ЗНАЮ...

Я знаю: надо мной смеются
И говорят мне: "Дон Кихот",
Но жажду я к тебе вернуться
Пусть через смерть и эшафот.

Я знаю: надо мной угроза
Нависла, словно острый меч,
И вновь назло грома и грозы
Мне говорят: "Не будет встреч!"

Я знаю, что за мной охота,
Наветы змеями ползут,
А я с отвагой Дон Кихота
Иду бесстрашно на грозу.

Я знаю: надо мной потеха,
Я знаю: надо мной гроза.
Я их терзаю дерзким смехом
И дурням тем плюю в глаза.

Я знаю: надо мной смеются
И говорят мне: "Дон Кихот",
Но жажду я к тебе вернуться
Пусть через смерть и эшафот.

И Я НЕ ВЕЧЕН

И я не вечен под луной,
Всему живому чутко внемлю,-
Пришел увидеться с тобой
На эту траурную землю.

Пришел, чтобы уйти опять,
А мостик тот гнилой и зыбкий.
Мне надоело повторять
В который раз свои ошибки.

Пришел, чтоб броситься в поток
Водоворота жизни дикой,
Но так и не услышал Бог
Моих молитв - не то, что крика.

Пришел, чтобы познать других,
Спасти тебя там, где измена,
Но ни среди мертвых, ни живых
Не смог вернуть тебя из плена.

И я не вечен. Я - уйду.
И мгла придет ко мне не сразу.
Исчезну вдруг я, упаду,
Сойду, как снег с высот Кавказа...

ПРОШУ ТЕБЯ...

Прошу тебя - не уходи,
Не оставляй мне эту муку.
Ведь наша жизнь вся впереди,
Мы так еще нужны друг другу.

Прошу тебя - не будь ханжой,
Не обманись, по крайней мере.
Есть у любви закон святой:
Открой ты сердце, словно двери!

И ничего не утай, -
Скажи открыто, что случилось.
Меня страшат слова твои -
Такое мне вовек не снилось.

Прошу тебя - поговори,
Ведь никуда уже не деться,
И без огня вдруг не гори -
Послушай собственное сердце.

Прошу тебя - вернись назад,
Опомнись только на минутку,
И всё пойдет опять на лад,
Забудем всё, как злую шутку.

Прошу тебя, внемли словам,
И не дари опять разлуку.
Давай не верить больше снам -
Не отнимай от сердца руку!

ТЫ НЕ СЧИТАЙ...

Ты не считай счастливых дней,
А память лишь плотнее стисни, -
Тогда поймешь, дитя степей,
Что таковых не знал я в жизни.

Ты не ищи в календарях
Весёлых дней, ко мне причастных.
Я трудно жил при всех царях -
Не чтил ни белых, и ни красных.

Ты не считай счастливых мук,
Что было мне дано любовью:
Я столько в жизни знал разлук,
А искупал ошибки кровью.

Ты не считай того, что нет,
Того, что не было вовеки:
Я на Синае дал обет,
Он в тыщу раз священной Мекки.

И горьких дней я вкус храню,
Счастливых не было в помине,
И белый свет я не виню,
Что не везет мне и поныне.

МОИ ПИСЬМА

Мои письма к тебе не доходят
порой -
Ведь живу я теперь на планете
другой.

Мои письма
увозят к тебе корабли,
А какое им дело до брэнной Земли?
Мои письма идут через тысячи рук,
получая при этом и тысячи мук.

Мои письма
идут к тебе долго, не в срок,
Может, медленней вертится всё же
Восток?

Но придут, не горюй,
Через день или два,
В них не будет богатства,
а только слова.

Ты прочти эти письма, присядь, помолчи
И не плачь, сострадав в глубокой ночи.
Пусть печаль твоя будет,
как память, светла.

Дам я письмам отныне
два быстрых крыла!

ВОЖДЬ КРАСНОКОЖИХ

С любопытством смотрю на прохожих,
Не во снах, а уже наяву.
Я как будто бы вождь краснокожих -
Ведь не зря хулиганом слыву.

С любопытством взираю на лица,
На безбрежный и вялый поток:
Я хотел бы хоть раз удивиться,
Как бывалый, прожженный игрок.

Но игра без огня и порыва,
Лишь базарная страсть суеты,
Где ни сказки, ни чуда, ни дива,
А бумажные только цветы.

Я взираю на скучные краски,
Равнодушные эти глаза,
На холодные, черствые маски,
Будто мертвых идет полоса.

С любопытством смотрю на прохожих,
Равнодушную желчи стену...
Я как будто бы вождь краснокожих,
Что у злых бледнолицых в плену.

ТРУС

Я- трус. Я- трус. Я- трус. Я- трус:
Я самого себя боюсь.
Ну, почему я, встретив Зло,
Его приветствовал тепло?
И почему простил врагу?
Ведь отомстить ему могу.
И почему оставил дом,
Когда едва залаял гром?
И почему же в темноте
Оставил друга я в беде?
Зачем просил у дураков
Я разгадать значенье снов?
Зачем поверил я льстецу,
Как своему в беде отцу?
Зачем однажды я не спас
Уже себя от хищных глаз?
Я- трус. Я- трус. Я- трус. Я- трус.
Иль может, таковым кажусь?
Я не хочу быть больше им:
Иду "на вы"... с собой самим!

НА КОНЕ

Я - неважный, плохой полководец,
Проигравший все в жизни бои,
Но живущий надеждою горец,
Берегущий владенья свои.

Берегущий, как Память, измены,
Берегущий, как символ, и Зло, -
И гудят моей мести сирены,
И опять мне подбили крыло.

Всё равно, долечу я до цели
И осилю крутого врага,-
Хоть уже и "кадиш" мне пропели,
На коне и живой я пока.

Я - неважный, плохой полководец,
Проигравший все битвы подряд,
Но всегда понимающий горец,
Что пути все закрыты назад.

ЭТО СОЛНЦЕ...

Это солнце будет
И после меня,
Так и есть мне о чём грустить:
Ведь там я буду жить без огня,
И некого будет любить.
Я из жизни уйду
Не вдруг, но скорбя, -
Никому не оставя зла.
Но там, в моем царстве,
Не будет тебя,
А значит, любви и тепла.
Но будет, как прежде, под снегом Хермон
И жужжать, как пчела, Кармель,
И кто-то чужих совращать будет жен,
Чужую возлюбит постель.

Это солнце будет
И после нас,
Когда мы навеки уснем.
Давай же не Завтра - Сегодня, Сейчас
Гореть, полыхать огнем!

НУ, СКАЖИ...

Ну, скажи мне, скажи мне, кукушка,
Сколько мне еще жить суждено?
Я теперь - заводная игрушка
И как в погребке старом вино.

Ну, скажи, не скрывай же, не надо, -
Ведь узнаю о том всё равно:
От руки мародёра иль гада
Мне погибнуть теперь суждено?

Ну, скажи, хоть порадуй немного:
Может, ждут меня светлые дни?
Может, вышла мне снова дорога?
Тайну эту в себе не храни.

Ну, скажи, что напрасны сомненья,
И тебе я отвешу поклон, -
Ну скажи, что нагрянет везенье,
А плохое -то призрачный сон.

Ну, скажи мне, скажи мне, кукушка,
Сколько дней мне осталось и лет...
Всё равно я у смерти на мушке,
И спасенья теперь уже нет.

Роман Бадалов. Кавказские тосты.

БОМЖА

Я, по сути, тоже бомжа:
Крыша - небо надо мной.
Но я рад чертовски всё же:
Как-никак - еще живой!

Я, по сути, нищий гений
И чужой в своем доме,
Я, по сути, гром весенний,
Что не нужен никому.

Понимаю, это плохо,
Как прокисшее вино:
Я - прошедшая эпоха,
Старомодное кино.

Я, по сути, пепелище,
Ель, сгоревшая дотла.
Я - бесхозное жилище:
Нет ни хлеба, ни тепла.

Я, по сути, тоже бомжа,
Но доволен я судьбой:
И хотя нет счастья, всё же
Небо есть над головой!

МОЙ ПРЕЖНИЙ ДОМ...

Мой прежний дом - на той земле,
Куда мне путь заказан.
Зачем же я ищу в золе
Росинки от алмаза?

Мой прежний дом
теперь вдали,
Пророс седым бурьяном,
И хоть кричи, и хоть пали, -
Он весь в загуле пьяном.

Но не от радости большой,
Скорее от печали,
Стоит он мрачный и пустой,
Как бюст на пьедестале.

Мой прежний дом вдали теперь,
Стоит немой и странный
И воет, словно дикий зверь,
И лижет свои раны.

Мой прежний дом
Сгорел в огне,
И жизнь моя сгорела.
Ведь я не камень: больно мне,
Другим - какое дело?!

ГОРА НЕ СХОДИТСЯ...

Гора не сходится с горою,
Но с человеком человек...
Вот мы сошлись
И я, не скрою,
В тебе растаял, словно снег.
Я стал в твоих руках игрушкой,
Машинкой детской, заводной,
И ты с меня всю спесь, как стружку,
Снимаешь взглядом, не рукой.
И мной владеет эйфория,
И мной владеет злой экстаз,
Как будто новая Россия
Назад вернуться просит нас.
Гора не сходится. Ну, что же...
Кинерет к Волге не придет,
А я с тобой! О Боже, Боже,
Неужто поговорка врет?
Гора не сходится с горою,
Другое дело человек.
Зачем в тебе так много зноя,
Зачем растаял я, как снег?

ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА

Последняя зима.
Последний снег искрится.
Волшебные узоры на стекле.
Под белой шубой спит еще пшеница,
Еще шалют ветра в Махачкале.
Последняя печаль.
Последняя тревога.
Последнее холодное "прощай".
Теперь я знаю сам: ошибок было много, -
Отдал дворец, а взял взамен сарай.
Последняя печаль.
Последняя разлука.
Последний дом, последний мой приют.
Последняя любовь, последняя подруга,
И круг врагов, что смерти моей ждут.
Последняя весна, последняя измена,
Последний приговор, где все правы...
Последняя тюрьма, последний ужас плена, -
И аромат нескошенной травы.
Последняя зима.
Последний снег искрится.
Волшебные узоры на стекле.
Мне это всё, наверно, будет сниться
Уже не здесь, а там, в крошечной мгле.

У МЕРТВЫХ ЕСТЬ...

О мертвых говорят не очень часто,
А попросту - совсем не говорят.
Всевышний души их забрал

- и баста,

Они теперь в других покоях спят.
О мертвых вспоминают очень редко, -
Тут в самый раз кто б пожалел живых,
Которые сегодня будто в клетке, -
Живут, не помня, кто погиб за них.
Но вопреки людской молве неправой,
Обет молчанья я с себя сниму,
Хотя живу я собственною славой -
Чужая слава, право, ни к чему.
Людей я знаю самой разной масти.
К чему им те, что навсегда ушли?
О, к мертвым я, как никогда, причастен,
Как к берегам, причалам корабли.
У мертвых есть особая планета,
С которой все мы связаны душой.
И я, как житель тоже того света,
Наверно, скоро улечу домой.

ВСЁ ЛАЮСЬ Я..

Зачислен будто бы солдатом
Штрафного, дрянного полка, -
Всё лаюсь я отборным матом, -
Вот всё, что выучил пока.

Со всех сторон я крепко связан,
Со всех сторон - загон, флажки...
Как будто всё я всем обязан,
И лезут в душу мне "дружки".

И норовит мне каждый хлюпик
Свой показать и вес, и нрав,
Как будто я лишь кубик-рубик,
Как будто робот. И неправ.

Зачислен будто я в пижоны,
Не бал, какой-то маскарад, -
И будто все чужие жены
За грех мужей мне мстить хотят.

Зачислен будто бы навечно
В штрафной, бесхозный батальон.
С насмешкой смотрит каждый встречный:
Украл как будто миллион!

УХОЖУ

Ухожу, ухожу, ухожу*
Я от памяти дальше и дальше
И поэтому будто брожу
Я по острому лезвию фальши.

Ухожу тихо в рифы и в мель,
Ухожу в сновиденья, туманы,
Но предательства злая метель
Снова жжет мне душевные раны.

Ухожу в черный ливень и в зной,
Ухожу еще раз в снегопады,
И опять я как будто живой,
После взрыва хитрющей гранаты.

Ухожу, возвращаюсь назад
И дорогу к себе пролагаю,
Хоть умом и душой понимаю,
Что всё это дорога утрат.

КАВКАЗСКИЕ ПЛОТЫ

НАТУРАЛИЗМ

КАВКАЗСКИЕ ТОСТЫ

Кавказские тосты -
они горячи
как хлеб из огня,
из домашней печи.

Кавказские тосты
душисты, как мёд,
Но ты не спеши
их засасывать в рот.

Кавказские тосты -
как ларец ума,
На них ведь меняют
порою дома.

Кавказские тосты -
бальзам и уют,
Они даже мертвым
спасенье дают.

Кавказские тосты -
в алмазах клинок,
Услышать порою
их хочет сам Бог.

*ПО СЛУЧАЮ
РОЖДЕНИЯ СЫНА*

Пусть станет мальчик
 настоящим горцем
И гордостью, опорой отца,
И пусть тепло он людям шлёт ,
 как Солнце,
И друга отличит от подлеца.

Пусть будет щедрым,
 как сады Гуниба,
Пусть будет чист,
 как в ледоход Койсу,
И пусть умеет
 говорить "спасибо"
И не боится выйти
 в степь. в грозу!

ТАМАДЕ

Не будь суров и безнаказан,
И власть не превращай во зло,
Не прибавляй со старта "газа",
Не обломай себе крыло.

Не заводи речей занудных,
А просто весело танцуй.
Не задавай вопросов трудных,
А за столом, как конь, гарцуй!

АКСАКАЛУ

Пусть от "белой" не плачет живот,
Зачехли пока медные трубы.
Пропусти пару рюмочек в рот, -
Может, вырастут новые зубы.

И держи после этого речь,
Зажигай, как и прежде, словами.
Не горит ведь без хвороста печь.
Дом - не дом, коль бесхозен с годами.

НАПУТСТВИЯ

* * *

Старайся оплатить добро добром,
Не торопись на злобу злом ответить.
Когда всё небо потрясает гром,
Луна в ночи не ходит и не светит.

* * *

Дом без детей -
безрадостен, могила,
А дом с детьми -
Сплошной базар хлопот,
Но не забудь:
как раз-то в них и сила,
На том базаре
только встретишь мёд!

* * *

Зачем для мертвых
другом быть,
А для живых - врагом?
Какая радость вечно жить,
Коль пуст роскошный дом?

* * *

О, злые языки страшной кинжала,
И ничего придумать здесь нельзя.
У них острее и опасней жало,
Средь них и наши прячутся друзья.

И потому чуть надо быть построже
В отборе этих самых вот друзей:
Змея меняет только свою кожу,
Всё остальное вечно живо в ней.

* * *

А золото - и в мусоре находка,
Дерьмо - оно и в золоте дерьмо,
Фальшивая, загаженная водка,
Разбитое и грязное трюмо.

* * *

Из друга даже делают врага, -
Так жизнь идет,
 расчерченная кругом;
Но вот никто
 не слыхивал пока,
Чтоб из врага
 заполучили друга.

* * *

Какой бы палец
 ни поранил,
Рука неистово болит, -
Так и душа на поле брани,
Когда в бою солдат убит.

* * *

Когда ко Льву приходят
 боль и старость,
Он не опасен даже и Ослу,
Но ты стремись,
 чтоб к старости остались
В тебе презренье к подлости и злу!

* * *

А утром рано
 звезды в небе гаснут,
С рассветом им
 тягаться не дано.
Не спорь с судьбой
и сил не трать напрасно:
Как трезвым быть,
 когда пьянит вино?

* * *

Когда у детей
 есть неродная мать,
Что мачехой просто зовется, -
Порой и отец
 может отчимом стать,
Хотя и любовью клянется.

* * *

Коня узнаешь по аллюру
А человека - по делам.
Но только ты не вздумай сдуру
Сказать равнину вдруг: "Салям!"

* * *

Кто любит соль,
 тот любит воду.
Кто любит женщин -
 любит мать.
Кто любит Жизнь,
 тот любит Оду,
Но нет ведь жизни
 без утрат.

* * *

Слепому тоже зеркала нужны,
А зрячему они в сто крат нужнее,
И в жизни тоже все дела важны,
Но только нет, чем лень,
врага страшнее!

* * *

В трусливый глаз
соринка попадает.
Красавица желает дурака.
Бывает, пёс вдруг
на владельца лает,
И в гору лезет яростно река.

* * *

Не садись на чужого коня,
На чужую жену не смотри!
Если хочешь гореть, то гори,
Но не бойся, как мальчик, огня!

Роман Бадалов. Кавказские гости.

Брань матери - всегда одна
- молитва.

Брань недруга -
проклятье и хула.
Она опасна, как шальная бритва,
Как над дорогой шаткая скала.

* * *

Пускай мой враг
не станет тебе другом!
Пускай твой друг
не станет мне врагом!
Не будь, прошу, как тетива
для лука:
Натянет каждый -
будешь дураком!

* * *

Вино немого сделает болтливым,
А болтуна, наоборот, немым.
И чтобы быть богатым и счастливым,
По крайней мере, надо быть живым!

* * *

Где мёд рекой,
 там есть всегда и мухи.
Где есть талант,
 там есть всегда молва.
Всегда умей
 не слышать эти слухи:
То не цветы, а сорная трава!

* * *

Голодной курице зерно
Частенько очень снится,
Как, впрочем, пьянице вино,
Ленивому - Жар-птица.

* * *

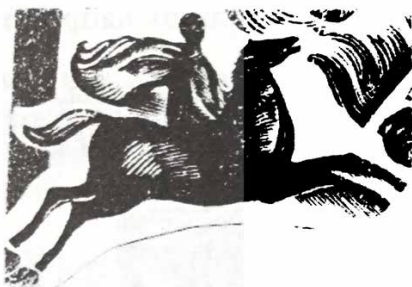
Не вложишь в ножны
 сразу два кинжала,
И это будет лишь напрасный труд.
Не говори,
что победишь и скалы,
Когда тебе простые туфли жмут!

МУЖУГА МОЛЧАЖУА

Стихи разных лет

МЫ ДАЛЕКИ...

Мы далеки теперь так друг от друга.
Я на земле обетованной год, -
А ты живешь там, где снега и вьюга,
И жизнь горька, а не сладка, как мед.

Мы далеки. Не буду лгать напрасно.
Кривить душой не буду вдалеке.
И у меня не все здесь так прекрасно:
Построены все замки на песке.

Мы далеки. И суждено, не скрою,
Мне в эту землю горестную лечь.
Как злой стервятник, часто надо мною
Витают низко кровожадный смерч.

Мы далеки. Теперь уже навеки,
Одно хоть солнце, вроде греет нас.
Рук не сплетем в объятьях, словно реки,
Хотя огонь любви и не погас.

Живу я там, где есть и кровь, и жажда,
И где до Бога лишь подать рукой, -
Но если я не подорвусь однажды,
То знай: Всевышний все еще со мной

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Любовь и смерть, как мир и небо, вечны.
Любовь - измена. Верю только в смерть.
И в путь, который называют Млечным,
И в солнца огнедышащую медь.

Не осуждай меня, прошу за это.
Ты откровенность не прими в укор.
Любовь - она, как целая планета,
Где белых пятен столько до сих пор.

Я шел по ней и в бурю, и в туманы,
В душе лелея тайну на успех.
И вот теперь одни на сердце раны,
И за спиной Любви колючий смех.

Проходит жизнь вся в чередѣ событий,
И весь увлекшись этою игрой,
Не удивлю я мир своим открытѣм:
Любовь похожа на огонь порой.

Любовь и Смерть.

Лишь два коротких слова.
Одно - восторг, другое - слезы, грусть.
Меня, как прежде мальчика, седого
Пугают оба, как я не храбрюсь.

И ТЫ, КАК НА ХОЛСТЕ РЕМБРАНДТА

Эллен

Другое небо голубое,
Но тот же самый злейший рок, -
Что будет завтра здесь со мною,
Не скажет ни один пророк.

Я буду жить иль вдруг исчезну,
Суровой истины кумир, -
Уйду в другую тихо бездну,
Оставя этот лживый мир.

Иль воспарю к другим высотам,
Пусть даже сломаны крыла,
Иль стану вечным Дон Кихотом
Я, не сумев осилить Зла.

Другая жизнь - и бьет ненастье.
Другие сны - и льется кровь.
Убита кем-то птица счастья.
Зло-снайпер целится в любовь.

Другое небо в бриллиантах,
Другой, быть может даже бог.
И ты, как на холсте Рембрандта,
И я, как страждущий Пророк.

Я КОНЧУ ЖИЗНЬ

Я кончу жизнь, наверно плохо:
Скандалной дракой иль петлей.
И в этом, может быть, эпоха
Повинна будет предо мной.

За каждый час, что прожил в риске,
За те бумажные цветы,
Что возлагают к обелискам,
И за расстрел моей мечты.

За то что зло в чести приемлю
И не кричу - как рыба нем.
За то, что на чужую землю
Послали мальчика совсем.

За то, что ложь в душе лелеял,
За то, что отводил глаза,
За то, что зерна яда сеял
И убегал, когда гроза.

За то, что сказку выдал былью
Я в трубы медные трубя,
За то, что подрубил я крылья
И обманул так сам себя.

Я кончу жизнь, наверно, лихо -
В зените славы, на пиру.
А может быть, безвестным тихо
Свечой погасну на ветру.

БОЮСЬ

Гале

Поверь, не смерти я боюсь,
Хоть встреча с ней и неприятна, -
Лишь грусть о том, что не вернусь
На эту землю я обратно.

Об этом думаю давно,
И время вроде подоспело.
Короткой лентою кино
Вся жизнь в тумане пролетела.

Но и о том я не скорблю,
Лишь об одном сейчас жалею:
Я неба, страстно что люблю,
Увидеть больше не сумею.

Не уловлю я листьев звон,
Твоих шагов я не услышу.
Мой будет вечно длиться сон
Под земляною рыхлой крышей.

И будет снится мне июль,
Поляна тихая лесная.
Туманно, словно через тюль,
Мне мама явится живая.

Поверь, не робок я, не трус:
Могу сойтись и в рукопашном.
Разлуки скорой я боюсь. -
Оставить землю мне так страшно!

ДУЭЛЬ

Я, как опасная АЭС,
Порою весел, чаще - мрачен.
И у меня есть свой Дантес,
И час дуэли обозначен.

Давно измерены шаги.
Не все приемлется на веру.
Глаза - в глаза. На то враги.
Иду безропотно к барьеру.

Развязка боя не близка.
Она сработает, как мина.
Как много снега у виска!
Конечно, есть тому причина.

Моя судьба предрешена.
В душе уставшей злости много,
И в этом не моя вина, -
Могу поклясться перед Богом.

Я есть и ангел, и злодей,
Что сам себя карает просто, -
И верит в доброту людей,
Уставших от обид и злости.

Я, как опасная АЭС,
Всю жизнь на грани риска пробыл.
И у меня есть свой Дантес:
Живая скорбь и боль - Чернобыль.

ТЕПЕРЬ УЖЕ...

Теперь уже ни родины, ни дома.
Я меж землей и небом вдруг повис, -
И взлетной полосой аэродрома
Как будто стала в одночасье жизнь.

Теперь уже мне ни к чему восторги
И не нужны ни слава, ни почет, -
Ни легкой жизни сладостной, ни оргий:
Хочу забытым жить, наоборот.

Теперь уже мне - что зима, что лето,
Что холод жгучий или просто зной.
Я сам собой - погасшая планета,
Сошедшая с орбиты скоростной.

Теперь уже мне ни к чему фанфары,
Судьба с лихвой все беды раздала.
Мне довелось разбиться, как Икару, -
Ведь то по мне звонят колокола.

Живу в тоске - часы и дни считая,
Невзгоды жизни про себя кляня,
Надеясь очень, что родная стая
Назад вернется, чтоб забрать меня.

ПРОСТИ

Марине

Прости, я думал, что всемогущ,
Что горы сдвинуть - плюнуть раз.
Что за спиной имею крылья,
Что я заметней, чем Кавказ.

Прости, я думал, что могучий,
Что крепче даже, чем броня.
Не знал что завтра злые тучи
Натравят ливень на меня.

Прости, я так наивно верил,
Что все творят добро вокруг.
Не знал совсем, что может двери
Перед тобой захлопнуть друг.

Прости, я думал, люди добры, -
На помощь только позови.
Но оказалось: есть и кобры,
Смертельный яд у них в крови.

Прости, я думал, что сумею
Тебя счастливей сделать всех,
Но не сумел. Теперь жалею, -
На мне одном весь этот грех.

Прости, я жизнь считал игрою, -
Она ж дурачила всех нас.
И как солдат на поле боя,
Стою и плачу в первый раз.

ХОЧУ ЗАСНУТЬ

Хочу заснуть и больше не проснуться,
Предсмертных мук ничуть не испытал,
И если мне вдруг суждено вернуться,
Приду к тебе, от вечной тьмы устав.

Приду к тебе восторженный и робкий
И сам себе немного удивлюсь,
Что так легко нашел назад я тропки, -
Как будто вновь взошел я на Эльбрус.

Приду к тебе я от тоски уставший,
Еще не веря в чудо и возврат,
Как солнца луч, как без вести пропавший,
Как вновь из пепла возрожденный сад.

Приду к тебе однажды, не случайно,
Живой как есть, один среди бела дня,
И ты узнаешь обо мне всю тайну, -
Печаль и радость моего огня.

Хочу заснуть и не проснуться больше.
Желанья нет бессмысленней, кажись.
Чем я живу на этом свете дольше,
Тем меньше в эту я влюбляюсь жизнь.

НЕ ПРЕЗИРАЮ

Не презираю слабых духом, -
Жалею каждого из них.
Они, как слабая старуха,
Ранимее во сто крат других.

Не презираю слабых волей,
Не осуждаю тех, кто слаб.
Давно живя чужою болью,
Я ненавижу тех, кто раб.

Не презираю очень бедных, -
От них я сам на полшага.
Я ненавижу лютых, вредных, -
В них вижу личного врага.

Не презираю ослепленных
Минутной славою своей.
Люблю, как сам,
 простых влюбленных
И ненавижу злых людей.

Не презираю бесталанных, -
Своя у каждого звезда.
Жалею умерших и странных, -
А вот продажных - никогда!

Не презираю слабых духом, -
Жалею даже их порой:
Не может ведь простая муха
Стать медоносною пчелой..

ВРАГ

Я сам себе заклятый враг:
Иных вельмож в лицо ругаю,
Дразню порой их , как собак,
Потом за это сам страдаю.

Я, как контуженный солдат,
Живу невесело и трудно.
Я сам себе устроил ад:
Плыву на обреченном судне.

Я сам себя казню в глуши
Под звуки траурного меццо,
Убийца собственной души
Каратель собственного сердца.

Я сам себя и обокрал,
Раздал нестоящим до нитки.
Никто «спасибо» не сказал,
А я, дурак, опять на пытки

Я сам себя обрек на грех,
от дум весь высох, словно палка.
Мне почему-то жалко всех, -
Меня же никому не жалко.

Я сам себе заклятый враг:
Все ложь за правду принимаю
И на себя в пылу атак
Огонь смертельный вызываю.

О, СКОЛЬКО РАЗ...

О, сколько раз я был обманут
Самим собой, самим собой, -
И словно сыпал соль на рану
Своею собственной рукой.

О, сколько раз я шел в атаку,
Других собою заслоня, -
А в благодарность за отвагу
Собак травили на меня.

О, сколько раз в лицо бросали,
Глумясь обидные слова, -
Сто тысяч раз и предавали
За то, что варит голова.

О, сколько раз я людям верил
И жил печалью их скорбя, -
В ответ мне взламывали двери -
Я вновь обманывал себя.

О, сколько раз я жил надеждой,
Как в сказках дивных у Перро, -
Пока не понял, что невежды
Убили совесть и добро.

О, сколько раз, душой страдая,
Был для других я, как броня.
Я не пророк, но твердо знаю:
Живым не выйду из огня.

ОПЯТЬ КАК БУДТО...

Опять, как будто на войне, -
Разлуки, встречи, расставанья.
Опять как будто ты в огне,
И как мечта - с тобой свиданье.

Как будто ухожу в снега
И сам себя зову на битву.
Опять за давнего врага
Шепчу как будто бы молитву.

Опять как будто слышу плач.
Вот-вот - и сердце разорвется.
Души моей лихой палач
Как будто надо мной смеется.

Опять как будто бы с бедой
Лицом к лицу крутая встреча.
Опять как будто надо мной
Ты зажигаешь тихо свечи.

Опять как будто не живу.
Опять как будто жду чего-то.
Опять во сне тебя зову.
И будто вновь за мной охота.

Опять как будто бы в плену
И над бедой своей рыдаю,
Себя как будто бы кляню,
Что так шутя с огнем играю.

Опять, как будто на войне,
Разлучены с тобой надолго.
И потому, наверно, мне
Все чаще снится - ты и Волга.

ЗАБУДЬ...

Забудь, что впереди есть смерть:
Печаль в глазах, и страх, и мука,
И эта траурная медь,
И это страшное - разлука.

Я слышу этот голос твой.
Он сердце наполняет дрожью, -
А завтра снова ринусь в бой,
Надеясь на молитву Божью.

Забуду, что, к стыду, не смог
Подать спасительную руку
Всем тем, кого забыл сам Бог,
Чтоб облегчить их боль и муку.

Забуду, что еще есть ты,
Неугомонная, как прежде,
Моя любовь, мой знак беды,
Моя последняя надежда.

Забуду, хоть нельзя забыть.
Пусть сердце от тоски сожмется, -
Что ж, смерть есть смерть, - а надо жить,
И счастье, может, улыбнется!

КОСТЕР

За правдой гнаться - это вздор.
Себя ты лучше сохрани.
Взойти, как Бруно, на костер?
Как это глупо в наши дни!

Зачем тебе горячий конь?
Вниз по течению плыви!
Ведь обожжет шальной огонь.
Ты для себя, дурак, живи.

Так говорят мне «мудрецы».
Мне что, иглой зашить им рот?
Они годятся мне в отцы.
Как может каждый так живет.

Пусть говорят об этом вслух,
Что я себе заклятый враг,
Что так упрям и что так глух,
И что ошибка каждый шаг.

Хотят в лицо мне бросить грязь,
Но он напрасен, этот спор.
Открыто, честно, не стыдясь,
Иду на праведный костер.

В огня вхожу я полосу,
Другой дороги не дано.
Я правду, может, не спасу,
Но кто-то должен все равно!

ПУСТЬ ГОВОРЯТ...

Теперь грустить о прошлом нет резона.
Года - не реки: вспять не повернуть.
Вся жизнь моя - огня сплошная зона,
И к прошлому хочу найти свой путь.

Мне говорят, что прошлое - ошибка,
Что это, вроде, мой позор и стыд.
Но как печаль мне выдать за улыбку,
Как без корней, без прошлого прожить?

Пусть говорят. За прошлое не каюсь.
Понять хочу я суть текущих дней.
Порою злобно я стихами лаюсь,
Приемлю смертных и больших вождей.

Теперь живу, как белая ворона.
Грусть о былом и боль былых утрат...
Вся жизнь моя - огня сплошная зона,
И прошлому опять кричу:»Виват!»

ИГРА

Я, добрый мальчик Божьей милостью,
Для славы, может, был рожден, -
Дитя родное культа личности, -
Не в самом лучшем из времен.

Но не сбылись надежды вещице.
Смешала мне все карты жизнь,
И тучи - черные, зловещие
Над головою пронеслись.

В душе живет своя идиллия,
Своя мечта и свой завет,
Своя любовь, своя Бастилия,
Свой негасимый тайный свет.

Своя задача в жизни главная
Хочу того иль не хочу,
Я, как и прежде, в годы давние,
За каждый промах свой плачу.

Я у судьбы давно в немилости,
Горю как будто бы живьем,
Дитя родное культа личности,
Безумно балуясь с огнем.

ПРОКЛЯТЬЯ

Проклятья всем моим врагам,
Кто ненавидит свет и небо.
Проклятья селам, городам,
Где месят с грязью корку хлеба!

Проклятья всем, в ком нет добра,
В ком нет души, тепла и чести,
В ком жадность давняя вора,
В ком яд по жилам бродит мести!

Проклятья всем, забывшим мать!
Проклятья всем себя продавшим!
Проклятья, кто не хочет знать
Своих друзей, в беду попавшим!

Проклятья тем, кто всем судья,
Кто возомнил себя здесь богом.
И шлю свои проклятья я
Трусливым, жалким и убогим.

Проклятья, кто в вине прожег
Лихую молодость до срока,
Кто не хотел совсем, а мог
Так в жизни этой сделать много!

Проклятья всем моим врагам:
Кто над бедой чужой смеется,
Чужим завидует рукам
И ненавидит даже солнце!

УКРАДУ

Я печаль твою с глаз голубых украду
И сожгу, как бумагу, до пепла ее,
У людей удивленных, чужих на виду, -
И отвечу один за злодейство свое.

Я печаль твою с глаз, как пылинку, сотру.
Заблестят в них играючи солнца лучи.
Все обиды твои я сожгу на ветру
И вложу в твои руки я счастья ключи.

Я печаль твою с глаз, как росинку, сниму,
А потом невзначай разобью, как стекло.
Все невзгоды твои на себя я приму, -
Лишь бы только в улыбке лицо расцвело.

Я печаль твою с глаз голубых украду,
Ты моей Дездемоною, тайной слыла.
Знай же, если, сраженный, я вдруг упаду, -
Что любовь моя «злей», чем у Мавра, была!

СВОЯ СУДЬБА

Своя судьба у каждого мужчины, -
Но вот беда: все счастье - дуракам,
И достаются горные вершины
Ленивым, беззаботным облакам.

Своя судьба у каждого с рожденья:
Кому везет - и счастье через край,
Кому невзгоды только и терпенье,
Кому-то ад, ну а кому-то рай.

Своя судьба у каждого, бесспорно,
И не купить, и не продать ее.
Кому-то тесно, а кому просторно, -
Судьба, как жизнь - и правда, и вранье.

Своя судьба у каждого, как мета,
И от себя уже не убежать.
Своя любовь, своя беда, планета -
Священная и грустная , как мать.

Своя судьба у каждого мужчины, -
Своя печаль и свой далекий Марс.
Свое везенье и свои вершины,
Своя звезда и свой последний час.

ТОЛЬКО ЖИЗНЬ

Я, как маленький мальчик, наивен,
Верю сказке, легенде любой,
На коне удержаться и в ливень,
В трудной жизни пытаюсь порой.

Только жизнь - не легенда, не сказка,
И наивность не терпит она,
Не нужны ей ни щедрость, ни ласка -
Любит издавна зло сатана.

Я премудрости эти все знаю,
Но не в силах с собой совладать
И, седой уже мальчик, играю
В эти сказки, чтоб чище мне стать.

И другим мне не быть до кончины.
Через смех и обиды пройдя,
Я по этой, быть может причине
Все наивен еще, как дитя.

Я, как маленький мальчик наивен.
Мудрецов принимая укор,
Я себя подставляю под ливень,
Верю сказкам любимым до сих пор.

ХОЧУ ВОЗВРАТИТЬСЯ

Асфальт, как дамасская сабля,
Сверкает, омытый дождем.
Иду, вспоминая о сакле,
Где с мамою жили вдвоем.

Хотелось мне в юности ранней
Жить в городе. Парня села
Манили высотные зданья
Из мрамора, камня, стекла.

По городу вновь я шагаю,
Кругом беготня, суета.
Троллейбусы мчатся, трамваи,
И странно гудят провода.

Железо и камень повсюду,
Скульптуры эпох и веков.
И куклами кажутся люди
У грозных подножий домов.

Я в комнате, тоже из камня,
Ложусь на простую кровать,
Глаза закрываю, как ставни,
Мне видятся: сакля и мать.

Пока во мне жизнь не иссякла,
Неси эту весть стих - гонец:
Хочу возвратиться я в саклю -
В приветливый детства дворец.

ВСЕ УМЕЛ...

Все умел лишь Юлий Цезарь.
Я же смертный - не мастак.
Рядовой, быть может, слесарь
Лучше знает, что и как

Не сыграю роль в спектакле,
Не смогу я вечным быть,
Не сумею даже сакли
Из камней речных сложить.

Не смогу я в горской печи
Ароматный хлеб испечь.
Не сумею долгий вечер
Я держать на людях речь.

Не смогу жить без ночлега,
Без воды и без огня,
Без улыбки и без снега,
И без ночи и без дня.

Не смогу, не одолею
Даже речки без весла,
Но зато всегда сумею
Отличить добро от зла.

ХОТЕЛ БЫ Я...

Звезда давно мертва, давно не дышит,
Но через сто, а может, двести лет,
От той звезды, далекой и застывшей,
На землю нашу попадает свет.
Настанет день, когда меня не будет.
Река забвенья смоев берега...
Хотел бы я вернуться снова к людям
Тем светом звездным, рвущим облака!

МУЖЧИНЫ ПЛАЧУТ...

Мужчины плачут? Да, порой бывает,
Но лишь увидеть этого нельзя.
Скорбят они, печалются, страдают.
Узнаешь, только заглянув в глаза.
Они горят вулканом, а порою
Печали тучи закрывают их.
Мужчины плачут дважды: после боя
И уходя навеки от родных.

ПОКА ЖИВОЙ...

Я знаю: там не будет звезд.
Не будет даже света свечки,
Ни встреч, ни ласки, и не гроз,
Ни треска углей в старой печке.
Не будет губ твоих огня,
Ночных поездок в электричке:
Земли тяжелая броня
Меня накроет, словно птичку.
Все будет так. Пока живой...
Пока люблю, пока ревную.
Иду рука в руке с тобой
И в губы яростно целую.

РАНА

На лес неожиданно в ярости кипучей,
Как хищный зверь, набросилась гроза,
И так же вдруг исчезли с неба тучи, -
Смеялось солнце вновь во все глаза.
Но рана от обиды злой и колкой,
Тобою нанесенной не пройдет:
Она у сердца маленьким осколком,
Боль причиняя, издавна живет.

ГОРЯТ ДРОВА

Горят дрова... О, сколько в них терпенья!
Огонь урчит, как старенький мотор.
Короткие, шершавые поленья
Бросаю во взъерошенный костер.
И на огонь смотрю я, как на рану.
На ум приходят мудрые слова:
Коль суждено, сгори ты , как Джордано,
В огне сумей смолчать, как те дрова!

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Легко бульдозер домик ветхий сносит,
Берет его, как буйвол на рога.
Пощады и прощения не просит
Домишко у железного врага.
И я, как домик этот, обветшаю,
Но только смерти вряд ли уступлю.
И даже в час кончины, умирая,
Кричать я буду, что любим, люблю!

ТЮРЬМА

Вот и настала та зима,
С которой встречи так боялся,
Та незавидная тюрьма,
Куда попасть я не старался.

Я думал, юная весна
Со мною вечно будет рядом,
Как в жизни верная жена,
Которой роскоши не надо.

Я думал, спутницей моей
(Так по наивности казалось)
До самых, до последних дней
Одна лишь только будет радость.

Но вдруг ворвалась в дом метель
И надо мною зло смеется.
Мне миной кажется постель,
Вот-вот безудержно взорвется.

Настали дни одних тревог.
Не облегчить их щедрой данью.
Не обещает рая Бог.
Готово сердце к испытанию.

*Слово о матери -
Марии Бадаловой*

ЖИВУ ОДИН

Два года, две весны и вот два лета
Средь волн житейских и крутых плыву
И без тебя на этом белом свете
Теперь я, мать, совсем один живу.

Два года, две весны и дней начало
Моих печалей и моих тревог.
Судьба как будто жертвою избрала:
Меня давно преследует злой рок.

Два года, две зимы умчались птицей,
Но сердца раны ноют так в ночи.
Твой вечен сон. А мне же мать не спится.
Помочь не могут даже и врачи.

Что делать если жизнь скупа на радость -
Потерь мне дарит только короба.
Кого винить, коль от роду досталась
Такая мне печальная судьба.

Два года, две весны и вот два лета
Так быстро пролетели, будто сны.
Но только боль со мною вечно эта:
Святое чувство собственной вины.

СУДЬБА

Вот стало меньше матерью одной -
Отзывчивой, простой, трудолюбивой.
Судьба к тебе была всегда крутой,
Ты не была везучей и счастливой.

А что такое счастье?
Где оно?
Кому хоть раз
При жизни достается?...
Тебе, наверно, было суждено
Испить воды из горького колодца.

Иль у тебя, быть может, на роду
Написана была одна тревога,
И жизнь тебе дарила лишь беду,
А ты молилась за людей и Бога.

Вот стало меньше матерью одной.
Еще одна великая утрата.
Она одна - и смыслом, и ценой,
Как смерть в бою отважного солдата.

СОН

Я как будто телеграмму
Получил себе на диво:
Мне вчера приснилась мама
Молодою и красивой.

Обошлась судьба жестоко,
Обожгла, как в жаркой печи,
Разлучила нас до срока,
И вот снова с мамой встреча.

Ей, конечно, мама рада:
«Как живешь ты там, сыночек?
Жизнь моя, моя отрада,
Мой единственный цветочек!»

- Здравствуй, мама, успокойся.
Я таким же добрым буду!
И прошу тебя, не бойся
Я твой образ не забуду!

Не такой уж я пропащий,
Обо мне грустить не надо.
Приходи ко мне почаще,
Посиди со мною рядом.

Я как будто телеграмму
Получил себе на диво:
Мне вчера приснилась мама
Молодою и красивой.

СКОРБЬ

Мне б только не сойти с ума
От той немислимой потери...
Неужто, мама, ты сама
В другую жизнь открыла двери?
Мне б только волком не завывать,
Не закричать бы, не заплакать,
Найти бы мужество, чтоб жить, -
Хоть это нелегко, однако.
Мне б только не сойти с ума -
Такая боль, печаль, утрата!
Твоя могила - не тюрьма -
Оттуда нет уже возврата!
Мне б только не забыть тех дней:
Твое лицо в немой печали
И бархат глаз, разлет бровей
И рук, что отдыха не знали.
Мне, мама, жизнь давно - как бой,
В котором трудно так сражаться.
Хочу, как ты, самим собой
До гробовой доски остаться!

ПУСКАЙ МОЙ СЫН

Я думал, ты со мною будешь вечно.
Не знал, что вдруг оставишь так меня.
Моя вина: не уберег, конечно,
И боль утраты жжет сильнее огня.

Я думал, грешный, что твоя улыбка
Всегда дарить мне будет жизни свет...
Прости меня! И здесь моя ошибка,
И вот цена: тебя со мною нет!

Казнить себя и убиваться поздно.
Об стенку б надо головой, как мяч,
Но это все, наверно, несерьезно -
Тебя уж нет, теперь хоть вой, хоть плачь.

О, каждый день мне, мама,
жизнь как битва,
И каждый день, печаль в душе храня,
Твои слова шепчу я, как молитву:
«Пускай мой сын переживет меня!»

Я ВРУ СЕБЕ

К твоей могиле прихожу не часто -
Разлуки боль еще мне сердце жжет
И рвет его на маленькие части:
На свете мама больше не живет.

К твоей могиле прихожу. Не плачу.
Стою, лицо ладонями закрыв.
Я скорбь свою ни от кого не прячу.
Она со мной, пока я буду жив.

К твоей могиле прихожу я редко.
Прости меня: у суеты в плену,
У дерева я высохшая ветка,
И волшебством тебя я не верну.

К твоей могиле прихожу в тревоге,
Когда на сердце камень, боли груз.
Я за тебя обижен так на Бога
И даже очень на него сержусь.

К твоей могиле прихожу все реже.
Я вру себе и тешусь мыслью той,
Что ты придешь, ушла за хлебом свежим,
Вот-вот вернешься, как всегда, домой.

ОТКРОВЕНИЕ

Бабушке Хубей

Что же делать?
Я плохо приучен:
Говорю всем открыто, что есть.
На себя вызываю я жгучий
Злой огонь, а вдобавок и месть.

Не могу я, признаюсь, иначе,
Мне противна холодная ложь.
И бывает так трудно, что плачу
От неправды в кавычках святош.

Не нужны мне доспехи-одежды,
Пусть сжимается вражье кольцо.
Я останусь таким же, как прежде, -
Отстреляю всю правду в лицо.

Так привык. Не могу по-другому.
Не снести головы мне поди.
Что ж, сидеть, заперевшись мне дома
И молчать, в рот набравши воды?

Что же делать?
Я плохо приучен:
И от правды погибну, видать.
Вновь беды собираются тучи,
Я опять не сумею смолчать.

БЕССМЕРТЬЕ МОЕ...

И хлебом священным, и солнцем клянусь:
Минуты не прожил я даром.
Что правда, то правда - седым становлюсь,
Но только не злым и не старым.

Белеет, как снег, с каждым днем голова,
Сбежать бы из снежного плена.
Что правда, то правда - ведь жизнь не трава,
Мы знать ей обязаны цену.

Ношу в своем сердце я слитки огня,
Горит оно знаменем рея.
Что правда, то правда - в степи, как коня,
Судьбу оседлать не сумею.

Безвременно многих теряю друзей,
А жизнь летит будто с экрана.
Что правда, то правда - с годами трудней
На сердце рубцуются раны.

Рожденный однажды в суровых горах,
Познал я крутые дороги.
Что правда, то правда - живу второпях,
У жизни заимствую строки.

Года, я скажу, не всегда мумиё,
Хоть Время и лекарь известный.
Что правда, то правда - бессмертье мое,
О солнце - крылатая песня!

МОЯ ЗВЕЗДА

Дорога в рай, дорога в ад,
Куда-то есть еще дорога.
Дорога страха и утрат,
Есть и другая - прямо к Богу.

Мне рай не нужен.
Ну, зачем?
К чему богатые убранства?
Я занемог, устал совсем
От этих долгих, вечных странствий.

Так долог путь к тебе, что жизнь
безмерной кажется порою.
Я не стремлюсь подняться ввысь, -
Вдруг упаду шальной звездой.

Что уготовано судьбой,
Моя звезда мне подсказала.
О нет, я вовсе не святой,
Я совершил грехов немало.

Скорбил, где надо было петь,
А где смеяться - просто плакал,
И жил, где надо умереть.
Где призалечь - я шел в атаку.

Дорога в ад, дорога в рай,
А на душе - одна тревога,
Как будто гневится Синай
И разбудить не может Бога.

ПРЕЗРЕНИЕ

Не зовите меня на распятье Христа:
Теплой крови я знаю пылающий цвет,
Презираю людей, кто под сенью креста
Предают свою мать, отчий дом и завет.
Предавать этим людям, наверно, легко.
Им бы только покой. Им бы только тепло.
Слово «совесть» у них, словно Марс, далеко,
И на сердце одно - только яд, только зло.
И они никогда не закроют собой
Пулеметную очередь, жгучую пасть.
Им бы выжить бы только любой ценой,
Только б мертвыми в этом бою не упасть.
Я в разведку с такими во век не пойду,
За здоровье людей пить не буду вина.
Если пулей сраженный я вдруг упаду,
Те меня из огня не спасут ни хрена.
Кто однажды цвет крови легко так предал,
Тот предаст свою мать, отчий дом и друзей.
Я б таких без суда в тот же миг расстрелял,
Чтоб они, словно СПИД, не терзали людей.
Не зовите меня на распятье Христа:
Мне нужна ведь не бойня
- спасительный бой.
Моя заповедь в мире суровом проста:
Оставаться всегда человеком, собой.

ОБИДА

Ну, конечно, мне очень обидно -
Мне б при жизни
тот бронзовый бюст.
Чем я тоже не деятель видный,
Не велик пусть,
как Блок или Барбюс.

Я ведь тоже на стройке.
Стараюсь.
Жаришь спину мне, солнце?
Изволь!
Я шикарно живу и питаюсь -
Вот обед мой -
Хлеб черный и соль.

Кто-то может мне бросить:
«капризный».
Не беру этих слов я в расчет.
Мне как воздух нужны
так при жизни
Слово доброе, пост и почет.

Мне б при жизни
посты и награды -
Не играю в пустую игру.
Мне живому, живому
все надо, -
А придет все,
когда я умру.

ОЗАРЕНИЕ

В моей жизни случилась авария -
навалилась на плечи гора:
Трудно стало, хоть вовсе не старый я,
Зло порой отличить от добра.

На судьбу на крутую не сетую,
Верю в братство мужское досель.
Бескорыстье и мир проповедую,
И моя не фальшивит свирель.

И душа отзывается «скорою»,
И на вызов крылата, легка,
И еще между прочим, которая
Добротой поражает врага.

И приходит опять озарение,
И глазам возвращается свет,
Как к слепому пропавшее зрение
Через много страдальческих лет.

Годы, как беспокойные зрители.
Разом шлют мне цветы и упрек,
И великим и мудрым учителям
Преподносят житейский урок.

ПИСЬМО

Я, объехав лихо страны,
Здесь, в горах, уже седой,
В первый раз из Дагестана
Шлю письмо тебе, домой.

Пусть оно придет не скоро,
С опозданием, как экспресс.
Вспомнишь ты про Каспий-море,
Про Самурский древний лес.

То письмо придет, как лето -
Незаметно, весело,
Принесет тебе приветы
И сердечное тепло.

Ты прочтешь его запоем,
Перечтешь еще не раз,
Вспомнишь солнце золотое,
Стережущее Кавказ.

Вспомнишь горы, лес и кручи,
Домик горца-кунака,
Где страдал поэт-поручик
Из Тенгинского полка.

То письмо из Дагестана
Промелькнет в твоей судьбе,
И как гость твой, утром рано
Постучаться в дверь к тебе.

ОТ ИМЕНИ ПАВШИХ

Люди - это деревья,
Стойки в минуты невзгод.
Над землей - родной и древней
Я плыву, как нежный восход

Люди - это разлуки,
Слезы, вокзальный перрон.
Нам сильнее любить бы друг друга,
Чтоб сердца высекали огонь.

Люди - это утраты,
Сколько б по ним ни скорбил.
Я б хотел безвестным солдатом
Лежать среди тысяч могил.

Люди - подвиг на марше,
Помнят о трудной войне.
Говорю от имени павших:
«Не верьте немой тишине!»

ХОЧЕШЬ - ВЕРЬ

Хочешь, словом на слово отвечу:
В радость жизни не верю давно.
Милосердья дешевые свечи
Боль души бередят все равно.

Хочешь, тихий причал свой оставлю,
Убегу и рассеюсь, как дым.
Про невзгоды забуду и травлю,
Но останусь всегда молодым.

Хочешь, клятвою клятву заверю
И на злобу отвечу добром:
Распахну даже недругу двери, -
И вражда вдруг исчезнет кругом.

Хочешь - верь, а не хочешь - не надо.
Правда - хлеб, хоть руби или режь.
У меня, как в бою у солдата
В этой жизни есть тоже рубеж.

Хочешь, лаской отвечу на ласку,
Хоть любовь - это тоже обман,
И красива бывает лишь в сказке, -
Все равно, она мой талисман.

Хочешь, словом на слово отвечу.
Удивишься ты диву из див:
Не надеюсь я с правдой на встречу
И не верю, что Бог справедлив.

ХЛЕБ ПО КАРТОЧКАМ

Хлеб по карточкам дают,
Соль и спички, мыло тоже.
Я как будто бы в бою, -
В блиндаже с разбитой рожей.

И пылает все вокруг -
Это бой,
не просто драка.
Не поймешь, где враг, где друг, -
Только яростней атака.

Я Всевышнего молю:
«Не внушай мне чувство страха.
Эту землю я люблю,
Я ее извечный пахарь.»

Хлеб по карточкам опять,
И конца войны не видно.
С поля боя убежать? -
И позор, и очень стыдно.

Мало радости для глаз.
Ну и черт с ней, с той войною...
Мне же хочется сейчас
Поиграть в любовь с тобою.

Хлеб по карточкам дают -
По спине как будто плетью!
Я в невидимом бою
между жизнью здесь и смертью.

НО КАК ТОГДА...

Нет, нет -
не сорок первый год -
В колокола бьет девяностый.
«За коммунизм!», «Ура!», «Вперед!»
никто не произносит тостов.

Никто -
ни пахарь, ни шофер,
Ни академик, ни министр,
Ни даже, что в законе вор, -
Все ждут таинственного свиста.

Не сорок первый на дворе -
Война незримая хохочет
И в этой роковой игре
Убить подряд всех будто хочет.

У жизни малая цена,
Как говорят теперь -
копейка.
Она дешевле дач, вина.
Кулонов всяких, цепи «змейка».

Не сорок первый за окном, -
А сколько без вести пропавших!
Калек и сирот полон дом
И душу дьяволу продавших.

Нет, нет -
не сорок первый год,
Когда в цене горстинка проса...
Но как тогда, на пулемет
Никто не ляжет, как Матросов.

ПРОДАЖНЫЕ СОБАКИ

Как-то побыл я на выставке местной,
Просто гулял себе так.
Было и мне, как другим, интересно:
Там продавали собак.

Были среди них любопытные масти -
Псы: волкодавы, боксер.
Словом, элита собачьей всей касты,
Даже собачий был «хор».

Все покупали болонок, овчарок,
Шли восторгаясь домой.
Им ведь достался прекрасный подарок, -
Были довольны собой.

Здесь про себя я подумал невольно:
Псов предают, а они,
Хоть им, быть может, по-своему больно,
Нам остаются верны.

Мы же друг друга за гроши и платья
Можем продать и не раз.
Низкий поклон, мои меньшие братья. -
Пес ни за что не предаст!

Совесьть меня, словно колокол, будит,
Хочет открыто сказать:
Есть, мол, на свете продажные люди -
Бойся им руку подать!

ОЖИДАНИЕ

Я живу ожиданием сына,
Малыша появлением живу,
И его - мальчугана-мужчину
Светлым именем я назову.

И очаг мой наполнится светом,
Лучезарным сияньем огня.
Будет сын хлеборобом, поэтом, -
Все равно - повтореньем меня.

Этот день я весельем отмечу.
Ну-ка, тосты готовь, тамада,
Чтоб мужскую отметили встречу,
Как когда-то в былые года.

Я не знаю каким еще будет
Долгожданный мой солнечный сын.
Пусть же скажут когда-нибудь люди:
Этот парень из крепких мужчин.

И когда он появится, милый,
Я шутливо скажу и всерьез,
Что мне сына на радужных крыльях
Добрый аист в подарок принес.

МНЕ ЗАВИДУЮТ...

Мне завидуют, я знаю,
Что живу теперь в «раю».
Я - не мальчик. Понимаю, -
Дань той шутке отдаю.

И по белу ходят свету
Эти слухи обо мне.
Все за чистую монету
Принимают все вполне.

Что же, пусть все так и будет,
Остается все, как есть,
Если даже эти люди
Не добро творят, а месть.

Не могу на них я злиться,
Шутку ту, как хлеб, деля.
Может, взять мне и явиться
В новом платье короля?

Я хотел бы жить, признаюсь,
В том «раю» хотя бы раз.
И, как знать, - не зарекаюсь:
Может, тот наступит час.

Я ВЕРЮ

Я верю
в смерть.
А в жизнь
порой не верю.
Как женщина
распутная она.
Так запросто
обвесит и обмерит
и опьянит
без капельки вина.
Я верю небу.
Солнцу я не верю.
Его легко прикрыть
от глаз рукой.
Оно бессильно
против тучи серой, -
А небо было,
есть над головой.
Я верю суше,
Но не верю
морю.
Оно коварно
в красоте своей.
Приносят людям
боль утрат
и горе, -
Земля всегда
значительно добрей.

Я верю сказкам.
Мудрецам, признаться,
я никогда
не верил
с детских лет.
Я верю в будни
привокзальных станций,
В любовь и ревность
городских Джульет.
Живем мы в прозе
наших бурных буден
И не всегда
признательны судьбе.
Я доверяю в жизни
больше людям,
чем самому,
мне кажется, себе.

МНЕ СКАЗАЛИ...

Мне сказали:
«Умер Сталин».
Мне сказали:
«Он воскрес
И стоит на пьедестале
Хладнокровный, как Дантес.»

Я поверил в это чудо,
Побежал быстрее коня...
Эх, какая-то паскуда
Разыграла так меня.

Я не стал от злости плакать,
Не умыл лицо слезой.
Как побитая собака,
Вновь побрел к себе домой.

Шел, качаясь будто с тризны,
Опьяневший без вина,
Шел и думал: в этой жизни
Есть у всех своя цена.

Мне сказали:
«Умер Сталин».
Это было так давно.
Никого на пьедестале.
Все, как в жизни и в кино.

ПРОСЬБА

Умру ли внезапно, как Сталин,
Иль смерть будет тяжкой, как зной,
Бутылочек пять «Цинандали»
Вы в гроб положите со мной, -

Чтоб там не терзался я жаждой
И пил бы вино допьяна,
Пока не проснулся б однажды
От мертвого, страшного сна.

МОЙ ДОМ

Мой дом - моя крепость, -
Хоть бой, хоть мятеж.
Мой каменный эпос,
Мой дзот и рубеж.

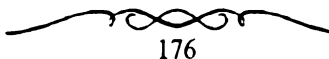
Мой дом - моя слава,
Мой тихий приют.
Моя переправа, -
Восторг и дебют.

Мой дом - мое горе,
Последний причал.
Бездонное море,
Бесценный коралл.

Мой дом - мое небо.
Волшебный цветок.
В нем запах есть хлеба, -
Бальзам для дорог.

Мой дом - моя повесть,
Целительный мед.
Мой гимн, моя совесть, -
Паденье и взлет.

Мой дом - моя память,
Тревога, покой.
И вечное знамя,
Ведущее в бой.

ЛЮБОВЬ

Мне нравятся очень блондинки
За глаз голубых глубину,
И я, говоря по-старинке,
У них, у красавиц в плену.

Мне нравятся очень брюнетки,
Их схваченный поясом стан.
Веселые нравом, кокетки, -
Не зря их любил Чингиз-хан.

Мне нравятся очень мулатки
С фигурами стройных берез,
Любви беспокойной солдатки,
С копной шелковистых волос.

Мне нравятся очень
горянки.
Ну как их, цариц,
не украсть?
Я все сбережения банков
Отдал бы за них,
не скупясь.

Мне нравятся те и другие,
Пьянящие мозг, как дурман.
Они - мои лики святые,
Любви озорной талисман.

ОПЯТЬ Я В ГОРЫ УХОЖУ...

Опять я в горы ухожу,
От суеты бегу подальше.
Не жди письма.
Не напишу.
Я не привык ко лжи и фальши.

Ты скажешь, что любви боюсь,
Что постарел я очень рано
Твоим словам не удивлюсь,
Ведь ты не можешь без обмана.

В своей наивной простоте
Тебе поверил без причины,
Теперь я знаю: горы те -
Окаменевшие мужчины.

ВДРУГ ПОНЯЛ Я...

Ю.Гагарину

Опять я в Гжатске.
Ночь светла.
Не по-апрельски
Небо звездно.
Тебя судьба не сберегла, -
Теперь скорбить об этом поздно.

И вот ты бронзовый, литой...
Сдают от разных мыслей
нервы.
О, нет, ты, как всегда,
живой, -
Из братьев звездных самый
первый!

Стоишь обычен и велик, -
Как жизнь и слава быстротечны...
Вдруг понял я, что Время -
миг.
Вдруг понял я, что Время -
вечно!

Я -НЕ ПОГИБ...

Нет, не погиб я в сорок первом,
В том страшном, памятном году,
Когда на взводе были нервы,
И оказались все в аду.

Нет, я не умер. - Я - родился
Под грохот бомб и посвист пуль.
И где-то фюрер там бесился -
Бомбил Ростов и Ливерпуль.

Война не шла старухой пешей,
она неслась как сто смерчей.
Нет, не погиб я в год зловещий
Не разделил беды ничей.

Года летят, и каждый дорог,
Покоя память не дает, -
И как зазубренный осколок,
Она, война, во мне живет.

Война во мне,
как кровь и нервы.
Она одна и нет другой, -
И всем погибшим
в сорок первом
Я словно памятник живой.

Я ОСТАВЛЮ

«Что оставишь ты детям в наследство:
Ну, какое, ответь мне, добро?
Может быть, от дряхления средство,
Может, золото, дом, серебро?»
Говорил так с упреком, с досадой
Мой давнишний по дому сосед:
«Может быть, ты высокой зарплатой
Удивишь меня нынче, поэт?
Потягаемся, может, деньгами?
Не поэт я - живу королем
И как ты, не корплю над стихами...
Ведь не дважды на свете живем».
Он такую нес чушь и химеру.
Но ведь разве моя в том вина,
Что у жизни другая есть мера
И другая у жизни цена?
Я казался взведенной гранатой,
На соседа попер, как прибой:
«Что ж по-твоему, только за плату
Умирали бойцы под Москвой?»
Я привстал, приподнялся со стула,
В белой ярости грозен и зол,
И глаза, как двуствольное дуло,
На обидчика прямо навел:
Я сапфиры и деньги не славлю.
По душе серебро мне берез.
Что ж я детям в наследство оставлю? -
И меня тот волнует вопрос.

Я оставлю им преданность к хлебу,
И огонь им оставлю, и соль,
Голубое и чистое небо
И сердце человеческих боль.
Им земные доверю тревоги
И в наследство оставлю долги:
Не открытые мною дороги,
Муки мной не рожденной строки.»

ЭТО ПРАВДА...

Это правда: я верую в Бога
В Бога совести, в Бога добра.
Озорно и сурово немного
Кто-то скажет: пустая игра.

Не стыжусь, не пугаюсь, не спорю,
От обиды такой не горю, -
Тихо радость приемлю и горе,
Восторгаясь встречаю зарю.

На душе и покой, и тревога.
Я даю поклоненья обет
Милосердия и совести Богу,
А другого не знаю и нет.

Я ЗНАЮ ГОД

Я знаю год, когда умру, -
Не знаю только дня и часа.
Горю, пылаю на ветру
В пылу пьянящего экстаза.

Лишь днем сегодняшним живу
И жизнью, как с огнем, играюсь.
Смеюсь, влюбляюсь и реву, -
Но только Завтра не касаюсь.

Никто мне в этом не судья, -
Но может, кто меня осудит:
Отвечу за Сегодня я,
А завтра уж меня не будет!

ЗАКЛИНАНИЕ

Спаси от всех невзгод и бед,
От черной зависти и мести;
От всех друзей, в ком сердца нет,
От лени, жадности и лести.

Спаси от ложной доброты
И от предательства любого;
От женщин падших, клеветы,
От глаза жадного, дурного.

Спаси меня от всех и вся,
И уж тогда сто крат поверю,
Что я в рубашке родился, -
А это добрый знак поверья.

КИНЖАЛ

В музейных покоях
под толстым стеклом,
Лежит, красотой сверкая,
Кинжал знаменитый когда-то,
в былом,
Восторг у людей вызывая.

Сверкает клинок, как сапфир
и алмаз,
Как иней холодный на ветке.
И смотрит тоскливо кинжал,
словно барс
Из маленькой сумрачной клетки.

Но разве его в том кинжала вина?
Ему это все, как отравы:
Музейная сонная жизнь, тишина,
Музейная тихая слава.

О, ЧАС ПОСЛЕДНИЙ...

Орел, как камень,
Падал с высоты,
На землю взгляд
Предсмертный дико бросив. -
Его увидев,

 ринулись в кусты
В смертельном страхе
 куропатки, лоси.

О, час последний!
О, последний бой!
Не всем дано жить с честью
 и сражаться...

Но с чем сравнить,
когда в атаке злой
Враги тебя
и мертвого боятся!

* * *

Обжигает, как солнце, мне губы
 любовь.

И легко почему-то берет меня в плен,
Гонит в теле апрельскою речкою кровь,
Я как будто лечу -
не хожу по земле.

Уже сам словно солнце в зените горю
И сгораю, как в небе комета, - дотла.
Я любви, улыбаясь, всегда говорю:
Даже землю согреть в нас хватает тепла!

ВСЁ СМЕШАЛОСЬ

Фаине Каплан

Донна Фаня! Донна Фаня!
Юность - песня. Юность - крик.
Не убит он, только ранен
Этот Ленин - большевик.

В этой жизни так тревожно -
Все, как лошадь на дыбы.
Жизнь одна. И вряд ли можно
Отвернуться от судьбы.

Все могло бы стать иначе,
Но у счастья свой секрет.
Это я сегодня плачу:
Ты ушла во цвете лет.

Всё смешалось - сказ и были...
Не грусти и не жалей,
Что осталась без могилы, -
У него же - Мавзолей.

Жизнь порой дается в бремя,
Нелегка и непроста.
Донна Фаня, только Время
Все расставит на места.

ОПЯТЬ ЗИМА

Опять на улице зима,
И холод на дворе собачий,
И в снег укутались дома, -
Как будто он такой горячий.

Опять живем с тобою врозь,
А жизнь такая злая штука -
И снег нам радость не принес, -
Мы далеки так друг от друга.

С тобой мы, как две земли,
Как полюс Северный и Южный.
Наверно, оба не смогли
Найти тех слов, что сердцу нужно.

Опять на улице метель,
И на душе метелей мета.
Я ждать привык и жду досель
Свою весну и верю в лето.

ТЫ ПРИХОДИ...

Гале

Когда я буду за оградой,
За роковою той чертой,
Откуда нет уже возврата, -
Не омрачай мой сон слезой.

Ты приходи
и в зной, и в стужу,
Мне это чудо сотвори:
Не разрывай слезами душу, -
Шутя со мной поговори.

ГИМН

Я чья-то весенняя радость.
Я чья та утрата и боль.
Не трожь мое сердце, усталость,
Не ешь мое тело, как моль.

Я чье-то бесстрашье, сомненье.
Я чья та надежда и грусть.
Я чье-то упорство, терпенье.
Я чей-то волшебный кумуз.*

Я - радость, я - подвиг, я - песня,
Я - гимн, посвященный весне.
Живут они издавна вместе,
Как братья и сестры, во мне.

Кумуз - музыкальный инструмент на Кавказе.

ВСЕ СЛОВА...

Все слова мои о любви -
это ложь.
Ты не верь им,
Сладким, как мед.
Все слова мои о любви -
это дождь,
Выстукивающий фокстрот.
Все слова мои о любви -
это бред. -
Но красивы они будто костел
Все слова мои - о любви -
лунный свет,
Жаль, что сердце мое не костер..

РУСИТЫ

Какое-то странное диво
Преследует, словно картечь:
Повсюду слышна в Тель-Авиве
Знакомая, русская речь.

Славянские лица повсюду,
И будто идешь по Тверской.
Свои же евреи как будто,
Но только с другою судьбой.

И говор российский, певучий
За день та услышишь сто крат,
Нередко соленый и жгучий,
И густо наперченный «мат».

Руситы - они же евреи, -
летающие в страшном пике,
Греховные дети Мойсея,
Что врут на чужом языке.

ЕВРЕЙ УБИВАЕТ ЕВРЕЯ...

Памяти Ицхака Рабина

Еврей убивает еврея...
И мир содрогнуться готов.
Пылает огнем Прометей
Ицхака горячая кровь.

Еврей убивает. Безбожно.
И страх, несмываемый грех, -
И боль на душе, и тревожно:
Сражен на глазах он у всех.
Пройдя через многие битвы,
О смерти не знал ничего, -
И строки волшебной молитвы
Спасти не сумели его.

И мир стал совсем не добрее,
А хуже - коварней и злей:
Еврей убивает еврея
На площади наших царей.

НЕ ВЗОЙДУ Я НА ГОЛГОФУ

Не взойду я на Голгофу,
Ну, зачем мне подвиг тот?
Посижу на Дизенгофе -
Это все ж не эшафот.

Посижу и помечтаю,
Прошлой жизни вздерну нить.
Сам себе я погадаю, -
Сколько мне осталось жить.

Я грустить о том не буду,
Позовет вдруг если Бог.
Сам себе судья -
не люди, -
Сам себе и злой пророк.

Не взойду я на Голгофу,
Кто оценит подвиг мой?
Лучше я на Дизенгофе
Посижу вдвоем с тобой.

У СТЕНЫ ПЛАЧА

Я грешен, словно Бог любви.
Ее величество Удача
Не шлет приветы мне свои, -
К Стене иду заветной Плача.

Я в муках ада, как Сизиф,
Как будто без огня и крова.
Стена Печали - то не миф.
Вот потому-то здесь я снова.

Ах, эта скорбная Стена
Хранит века немало тайн.
А вдруг поможет мне Она, -
Смогу узнать, кто брат, кто Каин.

Я загадаю лишь одно
Свое заветное желанье.
Ему коль сбыться суждено, -
Со счастьем ждет меня свиданье.

А если вдруг умрет оно,
Не воспаря судьбой, как птица, -
Пока я жив, мне все равно
Стена Печали будет сниться.

НИЩИЕ

Я вновь, в который раз убит,
И сожжена до пепелища
Моя душа, что так болит:
Одну монетку просит нищий.

Я вновь, как прежде, потрясен,
Увидев голубое небо.
Не для того был мир спасен,
Чтоб кто-то жаждал крошки хлеба.

Есть у меня и хлеб, и кров,
Но я не самый здесь счастливый.
Есть остров нищих - Дизенгоф, -
Бездомных много в Тель-Авиве.

Их дом - веселый Кармиэль,
И подаянья ждут ладони.
Асфальт - пуховая постель.
Не люди - загнанные кони.

Могу их только обласкать,
Но жалость та к чему пустая,
Коль не могу я в руки дать
Им ключ единственный от рая?

ГОВОРЯТ, НЕ ТЕ ЕВРЕИ

Тот укор, как жало змея,
Как турецкий хитрый нож:
Говорят, не те евреи, -
Что цена им нынче грош.
Мол, другими были предки,
А потомки их не чтут, -
Богохульствуют нередко,
Не боятся Бога - врут.
Говорят, другое племя -
Не евреи -
так себе.
Изменило их так Время -
Не узнает сам себе.
Кто конец поставит спору,
Где сапфир, а где металл?
Тот еврей читает Тору,
Этот зубрит "Капитал"
Может быть, на самом деле
Нет евреев тех былых.
Их как будто разделили
Всех на белых и цветных.
Не вступаю в спор я в клинче,
Сея ссоры семена.
Да, не те евреи нынче,
Но не те и времена.
Я с годами стал мудрее:
Все беру, как хлеб на вес.
Если стали злы евреи, -
Значит в них вселился бес.

СТИХИ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

ЗА СОЛНЦЕМ

Внуку Роме

Скачет звонко солнце-мячик
В небе голубом.
На песке играет мальчик,
Строит важно дом.

Дом хоть маленький, песчаный -
Окна есть и дверь.
Малышу кричат сельчане
«Здравствуй, инженер!»

Как зовут его? Нисимом.
Кто его друзья?
Вас сейчас, ребята, с ними
Познакомлю я.

Светит в небе солнце-печка.
Пот со всех - ручьем.
Водит дружбу мальчик с речкой,
Третий год притом.

Мальчик умный, добрый, смелый,
В дружбе верный друг.
Дружит он с барашком белым,
Ходит с ним на луг.

Вот уж год, наверно, скоро,
(Знают все о том),
Как он дружит с красноперым
Петькой-Петухом.

Солнце в небе, словно лебедь,
Над землей плывет.
Мальчик с солнцем -
сердцем неба
Всех дружной живет.

Утром, лишь Нисим проснется,
-Долго спишь ты, брат, -
Говорит с улыбкой солнце, -
Встать давно пора.

И потом, в беседе мирной,
Скажет, щуря глаз:
-Ну, пойдем бродить, мужчина,
Много троп ждет нас!

Но однажды солнце скрылось,
Мальчик ждал беды.
Сердце жалобно забилося
У него в груди.

К петуху пришел и плачет
- Помоги в беде!
Потерялось солнце-мячик,
Не видал ли где?

Отвечает Петя старый:
-Ко-ко-ко-ко - ков!
Не видал я солнца-шара,
Но помочь готов.

Побежали вместе дальше.
Все бегут, бегут,
Видят - беленький барашек
Скачет на лугу.

И барашку оба:
- Здравствуй!
Помоги в беде!
Солнце в шапке ярко-красной
Не встречал ли где?

- Не встречал его я вовсе,
Но не брошу вас, -
Говорит барашек: «Спросим
У реки сейчас.»

«Опечалена, признаться, -
Говорит река, -
- Солнце даже искупаться
Не пришло пока.»

И решили возвратиться
Три дружка домой...
Как тут начал ветер злиться,
Просто ой-ой-ой!

Он бросался с ярим свистом
На громады туч.
Небо снова стало чистым,
Брызнул солнца луч!

Солнце в небе показалось -
И светло вокруг.
О какая это радость -
Здравствуй, солнце-друг!

Как по щучьему веленью,
Появился саз,
И в хорошем настроеньи
Все пустились в пляс.

В черных новеньких ботинках,
У подножья гор,
Сам барашек, глядь, лезгинку,
Пляшет, как танцор.

Так за солнцем шли могучим.
Вот где торжество!
Им откуда знать, что тучи
Прятали его!

СОДЕРЖАНИЕ

И. Давид. Поэт, которого ни с кем не спутаешь.....	4
ИЗ НОВЫХ СТИХОВ.....	6
Я - другой.....	7
И будет день.....	8
Тамада.....	9
Побег.....	10
Если б мне.....	11
Я не живу.....	12
Дуралей.....	13
Не стану я.....	14
Белоголовый мальчик.....	15
Я крепок был.....	16
Не зови меня вновь.....	17
Не спорю.....	18
Я сыграю.....	19
Одинокое дерево.....	20
Как говорят.....	21
Не везет.....	22
И эта боль.....	23
Если скажут.....	24
Я буду лежать.....	25
И ждет меня.....	26
Молитва.....	27
Если б можно.....	28
Попугай.....	29
Две дороги.....	30
Живу в торопях.....	31
Когда умру.....	32
Как Сизиф.....	33
Три желанья.....	34
Зачем мне ливень?.....	35
Мне спорить незачем.....	36
Я обманом изувечен.....	37
Живу в долине.....	38
Не говори.....	40
Я живу.....	41
И стихи, и террор.....	42
Не взираю.....	43
Ах, эта жизнь.....	44
Боюсь.....	45
Опять боюсь.....	46
В этот час.....	47
Скажи кому-нибудь.....	48
И прожигал.....	49
Если б смог я.....	50
Я мог бы жить.....	51
О, этот хлеб.....	52
Мое солнце.....	53
Спит мальчик.....	54
У Сальери.....	55

Мой старший брат.....	56
Снег на Хермоне.....	57
Я не буду.....	58
Журавль в небе.....	60
Когда -нибудь.....	61
Нет, я не старый.....	62
Я буду жить.....	63
На суде покаянья.....	64
Не умею.....	65
Завтра будет.....	66
Коррида.....	67
Путьспасенья.....	68
Зловредныелица.....	69
Мишель Нострадамус.....	70
Уж нехочется.....	71
Непосылай.....	72
Покаживые.....	73
Ну, обмани.....	74
Спешу.....	75
Время лекарь.....	76
Снегобиды.....	77
Мой ангел.....	78
Затмение.....	79
Цветы не хотят.....	80
Опять о женщинах молва.....	81
Спец.....	82
Ну, вот и все.....	83
Поставь и мне.....	84
Я соскучился.....	85
Я знаю.....	86
И я не вечен.....	87
Прошу тебя.....	88
Ты не считай.....	89
Мои письма.....	90
Вождь краснокожих.....	91
Трус.....	92
На коне.....	93
Это солнце.....	94
Ну, скажи.....	95
Бомжа.....	96
Мой прежний дом.....	97
Гора не сходится.....	98
Последняя зима.....	99
У мертвых есть.....	100
Всё лаюсь я.....	101
Ухожу.....	102
КАВКАЗСКИЕ ТОСТЫ	
НАПУТСТВИЯ.....	103
Кавказские тосты.....	104
По случаю посвящения в мужчины.....	105
По случаю рождения сына.....	106
Тамаде.....	107

Аксакалу.....	107
По случаю новоселья.....	108
Жениху.....	108
Невесте.....	109
По случаю совершеннолетия.....	109
Напутствия.....	110
МИНУТА МОЛЧАНИЯ	118
Мы далеки.....	119
Любовь и смерть.....	120
И ты, как на холсте Рембрандта.....	121
Я кончу жизнь.....	122
Боюсь.....	123
Дуэль.....	124
Теперь уже.....	125
Прости.....	126
Два неба.....	127
Хочу заснуть.....	128
Не презираю.....	129
Враг.....	130
О, сколько раз.....	131
Опять как будто.....	132
Забудь.....	133
Костер.....	134
Пусть говорят.....	135
Игра.....	136
Проклятья.....	137
Украду.....	138
Своя судьба.....	139
Только жизнь.....	140
Хочу возвратиться.....	141
Все умел.....	142
Хотел бы я.....	143
Мужчины плачут.....	143
Пока живой.....	144
Рана.....	144
Горят дрова.....	145
Предсказания.....	145
Тюрьма.....	146
Слово о матери.....	147
Живу один.....	148
Судьба.....	149
Сон.....	150
Скорбь.....	151
Пускай мой сын.....	152
Я вру себе.....	153
Желание.....	154
У потухшего вулкана.....	155
Откровение.....	156
Бессмертье мое.....	157
Моя звезда.....	158
Презрение.....	159
Обида.....	160

Озарение.....	161
Письмо.....	162
От имени павших.....	163
Я - горец.....	164
Не обожги.....	165
Я не сумел.....	165
Хочешь - верь.....	166
Хлеб по карточкам.....	167
Но как тогда.....	168
Продажные собаки.....	169
Ожидание.....	170
Мне завидуют.....	171
Я верю.....	172
Мне сказали.....	174
Просьба.....	175
Мой дом.....	176
Любовь.....	177
Опять я в горы ухожу.....	178
Вдруг понял я.....	179
Я не погиб.....	180
Важный разговор.....	181
Я оставлю.....	182
Это правда.....	183
Я знаю год.....	184
Заклинание.....	184
Кинжал.....	185
О, час последний.....	186
Обжигает, как солнце.....	186
Все смешалось.....	187
Опять на улице зима.....	188
Ты приходи.....	189
Гимн.....	189
Все слова.....	190
Руситы.....	191
Еврей убивает еврея.....	192
Не взойду я на Голгофу.....	193
У стены Плача.....	194
Нищие.....	195
Говорят, не те евреи.....	196
Стихи для детей	197
За солнцем.....	198
Содержание.....	202

Знакомтесь: Роман Бадалов

Уроженец Кавказа, из горских евреев.

Его имя достаточно хорошо было известно любителям поэзии на родине исхода. Хорошо известно оно и здесь, на новой Родине, в Израиле.

Стихи поэта, опубликованные в разные годы в толстых и тонких журналах и книгах всегда воспринимались с особой теплотой и признанием.

И вот - новая книга стихов "Кавказские тосты", книга-исповедь, своеобразный поэтический автопортрет, по большому счету, поэзия с "человеческим лицом". Это Роман Бадалов - поэт, которого ни с кем ни спутаешь.

И еще одно маленькое примечание ко всему сказанному: Роман Бадалов - член Союза писателей Израиля.